

МИХАИЛ ЛОМОНОСОВ

ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ

ОТ НАЧАЛА РОССИЙСКОГО НАРОДА
ДО КОНЧИНЫ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО

Михаил Ломоносов

Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого

«Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого» – произведение выдающегося русского ученого и поэта Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1756).*** Эта книга охватывает значительный период истории Руси. Автор в хронологическом порядке описывает правление русских князей – Рюрика, Олега, Игоря и других. Он также пишет о верованиях славян и о крещении Руси. Другими известными произведениями Михаила Ломоносова являются «Демофонт», «Избранные произведения», «Краткое руководство к красноречию», «Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1746 года», «Оды. Стихотворения», «Петр Великий», «Полидор», «Тамира и Селим». Кажется, нет такой области в науке, в которой бы не разбирался Михаил Васильевич Ломоносов. Физик, химик, историк, географ, астроном, геолог, металлург, языковед – он прославился своим талантом и образованностью на весь мир.

Содержание

Глава 1 О княжении Рурикове и о прочих князях и владетелях, призванных из варяг-россов .	0005
Глава 2 О княжении Ольгове	0012
Глава 3 О княжении Игореве	0022
Глава 4 О княжении Ольгине	0031
Глава 5 О княжении Святославове	0041
Глава 6 О княжении Ярополкове	0064
Глава 7 О княжении Владимирове прежде крещения	0072
Глава 8 О рассмотрении вер и о крещении Владимирове	0087
Глава 9 О княжении Владимирове после крещения его	0103
Глава 10 О княжении Святополкове	0120
Глава 11 О княжении Ярослава Первого	0128

**Михаил Ломоносов
ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ
ИСТОРИЯ ОТ НАЧАЛА
РОССИЙСКОГО НАРОДА ДО
КОНЧИНЫ ВЕЛИКОГО
КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО**

Глава 1

О княжении Рурикове и о прочих князях и владетелях, призванных из варяг-россов

Рурик, самодержавства российского основатель и праотец многих государей, по прошению славян и чуди пришел к ним на княжение с двумя братьями, со всем родом и с варягами-россами[1]. К пребыванию сперва избрал Ладогу, хотя новгородские славяне были главные его просители и великость города больше приличествовала к столице. Посему кажется, что Рурик на слове их не совсем утверждался, ведая происходившие между ними межусобия. Ладога для всегдашнего проезду славян, варягов и чуди удобность подавала примечать движения недоброхотов его в Новгороде. Средний брат Синеус сел княжить на Беле-озере; меньший, Трувор, в Изборске.

Таким образом, по единой крови и по общей пользе согласные между собою государи, в разных местах утвердись, шатающиеся раз-

номысленных народов члены крепким союзом единогодушного правления связали. Роптать приобыкшие новгородцы страшились Синеусова вспоможения Рурику, ибо он обла-

дал сильным белозерским чудским народом, называемым весью. Трувор, пребывая в близости прежнего жилища, скоро мог поднять варягов к собственному и братьей своих защищению. Итак, имея отсюда взаимную подпору, беспокойных голов, которые на избрание Руриково не соглашались, принудили к молчанию и к оказанию совершенной покорности, так что, хотя Синеус по двулетном княжении скончался и Трувор после него жил недолго, однако Рурик в Великий Новгород преселился и над Волховым обновил город.

Единоначальствуя над многими землями, роздал боярам своим города и области для управления и отпустил их с роды своими и со многими россами, особливо ж в Полотск, в Ростов и на Бело-озеро, дабы россы, соединясь со славянами и с чудью, один народ составили и тем бы укрепили общую тишину с его владением.

Видя Руриков разум и мужество, некто знатный новгородец, именем Вадим, человек, склонный к общенародному прежнему владению, и сам желал быть, по-видимому, в том участником или еще и главным, советовал с

ПРОРИКЪ, СШЕУСТЬ И ТРУВОРЪ. 862 ГОДА

Принимаютъ посылы Славянскихъ присоединяющихъ ихъ на княжение

единомышленниками своими, как бы избыть от росской власти[2]. И, уповая на свою у новгородцев важность и на сообщников, говорил не закрытно, что Рурик пришел привести их россам в рабство и в роды родов утвердить самодержавство. Услышав сии возмутительные речи и узнав умышление, Рурик Вадима с главными сообщниками предал смерти. И так иных грозою к боязни, иных властью к послушанию, иных правосудием и милостию к люблению приведши, на владении утвердился непоколебимо.

Державе его тогда покорны были от славенского языка: Новгород, Изборск и Полотск; из чудского народа: меря, весь и мурома, то есть Ростов, Бело-озеро и Муромская земля. Южные славяне, как поляне, кривичи, древляне, северяне и прочие, отчасти своими старейшинами управлялись, отчасти дань платили козарам. Северные славяне от новых своих владетелей прозвались россами.

Пришли из варяг с Руриком двое знатные бояре Осколд и Дир, которые в покое жить не обыкли, но любили всегда в военном деле упражняться. Сии просили, чтобы отпустить

их с родом и с людьми своими к Царюграду поискать войною большего счастья. По уволении предприяли путь по Днепру вниз судами. В Полянской земле на горе увидели город и там живущих спросили, кому он подвластен? На сие от жителей ответствовано, что три брата – Кий, Щек и Хорев – построили сей город во имя старшего и уже их не стало. Жители платят дань козарам. Осколд и Дир поселились в Киеве, присовокупили к себе множество варягов и начали княжить над полянами, не завися от Рурика.

Утвердясь на владении, собрали войско и пошли на Царьград во время Михайла царя, в четвертоенадесять лето его державы[3]. Будучи сей государь в походе против агарян у Черной реки, по вести, данной от епарха, в Царьград возвратился. Осколд и Дир, приставши к берегам греческим в двухстах судов и разорив окрестные места многим убийством, обступили город, и сам царь пробрался в него с нуждою. Вшед в Влахернскую[4]церковь с патриархом Фотием, слушал молебства во всю ночь. Ризу Богоматере с пением вынесши на берег, в воду погрузили в тихое время. Вне-

запно поднялась великая буря и росские суда, пригнав к берегу, разбила. Осколд и Дир, потеряв великое множество войска, с немногими остатками возвратились в Киев.

Глава 2

О княжении Ольгове

Державствовав семнадцать лет в Новегороде, Рурик спокойно достиг кончины[5]. Умирая поручил сына, еще младенца, Игоря и с ним княжение сроднику своему Ольгу. Сей по смерти его, желая умножить наследство Игорю и соединить единого племени славенские народы под едино владение, собрал войско из варяг, славян и чуди, взял некоторых кривичей и с ними пришел к Смоленску, город покорил себе с Кривическою землею и посадил своих правителей. Оттуда по Днепру вниз пустившись, взял Любеч и правление поручил своим воеводам. Приблизясь к Киеву, где Осколд и Дир княжили, скрыл в судах часть войска, назади оставил другую. И как подплыл под Угорское близ Киева, послал к Осколду и Диру с вестию, что идут купцы в Грецию от Ольга и от Игоря, для того бы они повидались со своими однородцами. Осколд и Дир, не имея никакого подозрения, пришли к судам с малым числом людей с тем, может

быть, намерением, чтобы проезжих сих приласкать и присоединить к жителям киевским. Внезапно закрытые в судах выскочили с ружьем и окружили Осколда и Дира. Тогда Олег, показав Игоря, объявил: «Сей есть сын и наследник Руриков; вы не княжеского рода и княжить вам не должно». И тут по повелению Ольгову Осколд и Дир убиты. Тела их взнесены на гору, что называется Угорское. На Осколдовой могиле поставлена потом церковь Святого Николая; Дирова могила – за Святою Ириною. По смерти их сел Олег на княжении в Киеве и нарек столицею всех городов, обладаемых россами. И сим именем прозвались поляне и прочие окрестные славяне его владения.

Олег, радея о благосостоянии себе порученных народов, начал строить города и устанавливать порядочные дани. Во-первых, варягам-россам на содержание учредил, чтобы новгородцы платили по триста гривен на год, что действительно производилось до смерти великого князя Ярослава Первого. На кривичах и на мерях также дань была положена. Потом воевал Олег древлян и с диким сим на-

родом поступал жестоко, дань положил на них тяжкую, по черной кунице с дыму. Северяне и радимичи данники еще тогда были козарские, того ради Олег ходил с войском для освобождения северян и положил на них дань легкую. Радимичи чрез посланных от него пришли в подданство и стали платить дань по шелегу, по чему прежде давали козарам. Привед под власть свою кривичей, любчан, полян, древлян, северян и радимичей, воевал на суличан и на тиверцев.

Около сего времени шли угры мимо Киева чрез место, что ныне называется Угорское[6]. При Днепре стояли вежами. Поход их был подобен половецкому. Между тем Игорь пришел в мужество, ходил на войны под Ольгом, и народ начал показывать ему послушание. Потом сочетался супружеством с Ольгою, приведенною от Пскова[7].

Уже полагая на Игоря надежду в правлении государства, Олег принял намерение идти на греков. Того ради набрал великое войско из варяг, славян новгородских, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев и чуди. Киев по-

ручил Игорю; пошел под Царьград по сухому пути конницею, по воде на двух тысячах мелких судов. Греки, услышав его приближение, узкий проход из Черного моря заперли и в городе затворились. Тогда по выходе с моря на берег устремясь войско Ольгово на грабление, по древнему военному обычаю многие дома и церкви расхитили, пожгли, людей иных порубили, иных вешали, иных в воде топили и мучили разными томлениями. Потом повелел Олег воинству своему сделать колеса и суда на них поставить. Ветр восстал способный и, надув парусы, понес их к стенам цареградским. Греки пришли в великий ужас, сие увидев, и с молением к нему послали, дабы не разорил города, но взял бы дань по своему желанию. Олег велел войску остановиться. Из города вынесли навстречу разные пищи и вина; но не приняты для опасности от яду. Греки в страхе и удивлении говорили: «Не Олег на нас воюет, но святой Димитрий послан от Бога для нашего наказания». Дани потребовано от них по двенадцати гривен на человека. Всех было восемьдесят тысяч, по сороку на судне. На требование согласились, просили мира

и прекращения разорительных военных действий.

Олег, отошед мало от города, начал вступать в мирный договор со Львом и Александром, греческими царями[8]. Для сего послал к ним вельможей, которые с греками согласились, дабы, сверх положенных двенадцати гривен на каждого человека, платить дань в каждую полгода на российские города: во-первых, на Киев, потом на Чернигов, на Переяславль, на Полотск, на Ростов, на Любеч и на иные, в которых великие князи под Ольгом владели; приходящих россиян за данью довольствовать по желанию их пищею и напитками; для возвратного пути давать довольное пропитание и потребные якори, верви и парусы; за шестимесячною данью не приходить россиянам без торгу и товаров; дабы князь запрещал им словом своим в селах наносить обиды; и с приезде стоять у Святого Маманта, пока по царскому повелению всех поименно не переписут; в город входить по пятидесяти человек в одни ворота безоружным; за продажу и покупку товаров не платить пошлины.

Сей договор цари крестным целованием

утвердили. Олег клялся по российскому тогдашнему закону своим оружием и богами Перуном и Во5лосом, скотьим богом. И так с обеих сторон мир утвердили. Олег, повесив свой щит на воротах цареградских в знак победы, с великою корыстию в Россию обратно морем пустился. Россам велел поднять парусы паволочные, славянам кропинные. С таким великолепием, со множеством богатства и узорочных вещей достиг Киева. От простого и суеверного народа прозван чародеем, что дела его почитались невозможными человеку.

По четырех летах являлась комета на западе наподобие куста. Около того же времени послал Олег вельможей своих в Грецию для подтверждения прежнего мира и установления купеческого договора к царям Льву и Александру[9], которые согласились и на том утвердились: дабы между россиянами и греками пребывал мир непоколебимый и любовь бесподозрительная; не подавать друг другу повода к нарушению согласия, но хранить оное непревратно всегда и во все будущие лета; в судах дела между обоими наро-

дами решить по доказательствам, но когда оных не будет, присягать челобитчикам; когда убьет грек россиянина или россиянин грека, за то казнить убийцу смертью на месте, где учинено убийство; когда ж убежит убийца, взять ближнему убиенного сроднику имяние и жену убийцеву; ежели убийца беден и скрылся, то обождать, пока сыщется, и казни предан будет; за уязвление и побои платить пять литр серебра по российскому закону, но кто скуден, повинен отдать все, что может, и то платье, кое на себе носит, и присягнуть, что чем платить больше не имеет и никто ему не дает помощи; по сем далее не искать; буде россиянин грека или грек россиянина на воровстве застанет и убьет, того на нем не взыскивать и украденное обратно взять позволяется, буде ж вор без обороны в руки отдастся, взять с него украденное втрое; взятое насильством также возвращать втрое; ежели греческое судно принуждено будет к берегу, где россияне, то проводить оное в место безопасное и подавать помощь; равным образом и греки должны спомоществовать россиянам, притом, ежели убийство или на-

силе учинится, поступать по установленному выше; буде случится россиянину видеть в чужой земли полоненного грека или греку россиянина, выкупить одного и отпустить в свою землю, получив данную за него цену, или цену вменить в дань; подобным образом выкупать и военнопленных и возвращать в свою их землю, получая за них данный выкуп; полоненных из вспомогательного войска, коего бы они государства ни были, выкупать по двадцати золотых; россиянам беглых своих или украденных и насильно проданных рабов брать от купцов по челобитью и по признанию рабскому; купцам беглых своих рабов искать по челобитью и брать найденных; кто у себя не даст обыскивать, виноват будет; когда кто из россиян, греческому царю служащих, умрет, не расположив своих пожитков и не имея ближних сродников, то отдать оное в Россию дальним родственникам, буде ж при смерти назначит наследников, тем отдать его имение. Злодеев, убегших из Греции в Россию или из России в Грецию, возвращать в свою землю неволею.

Сие все с обеих сторон взаимными пись-

менными договорами утвердили; греки целованием крестным, россияне по своему закону присягнули, дабы не переступить ни единой черты от положенного и утвержденного согласия; что совершено 912 года в сентябре. Царь Леон почтил послов российских многими дарами и повелел вельможам своим показать им красоту церковную и палаты, украшенные золотом, наполненные многим сокровищем и драгоценными камнями, притом страсти Христовы и мощи святых, дабы они, сие видя, к вере христианской склонились и, тою соединясь, с греками в мире и в тишине пребывали. По возвращении в Россию объявили послы Ольгу заключение мира, которым довольствуясь пребывал прочее время своей жизни в покое.

О смерти его дивное осталось повествование, вероятность по мере древности имеющее. Прежде войны на греков спросил Олег волхвов, от чего ему конец жизни приключится. Ответ дали, что от любимого своего коня умрет. Для того положил он никогда на него не садиться, ниже к себе приводить, но поставить и кормить на особливом месте.

Возвратясь из Греции по четырех годах, во время осени об оном вспомнил. Призвал старейшину конюхов и, жив ли оный конь, спросил. Услышав, что умер, волхвам посмеялся. «Лживы, – сказал, – все ваши гадания: конь мертв, а я жив; хочу видеть кости его и вам показать в обличение». Итак, поехал на место, где лежали голые кости, и, голый лоб увидев, сошел с коня, наступил на него и молвил: «От того ли мне смерть быть может?». Внезапно змея, изо лба выникнув, в ногу ужалила, от чего разболелся и умер, княжив тридцать три года. Весь народ много об нем плакал. Погребен на горе Щековице, и могила его видна была во время летописателя Нестора.

Глава 3

О княжении Игоре

По смерти Ольгове полную власть княжения Игорь принял[10]. Тогда древляне, уповая избавиться от российского подданства в новое княжение, от него отказались и в городах затворились. Однако надежда их была тщетна и предприятие бесполезно. Храбрости Игоревою побеждены и приведены в послушание, по принуждению платили за свое преступление дань больше прежнего.

В сие время печенеги пришли впервые на Российскую землю, учинили мир с Игорем и прошли к Дунаю[11]. Симеон, король болгарский, вел войну тогда с греками и воевал Фракию. Греки наняли печенегов; но воеводы их, пришед с ними в несогласие, принудили их отступить и возвратиться в свою землю. Симеон, победив греков, взял Адрианополь.

Игорь, собрав войско, пошел к Царю-граду [12]. Болгаре о том весть царю подали, что россы на него идут в судах десять тысяч. Пристав к берегам Малой Азии, российский князь

воевал Вифинию, Пафлагонию и Никомидийскую землю до Ираклии. В сие нашествие россиян на греческие области учинены великие грабления и разорения церквей и монастырей; люди многие посечены, расстреляны и вбитыми гвоздми в голову умерщвлены бесчеловечно. Потом с греческим войском пришел от востока Панфир Демественник, имея сорок тысяч, Фока Патрикей с македонянами, Федор Стратилат с фракиянами и купно другие знатные вельможи и россиян отсюда окружили. Но они совещавшись учинили с греками сражение, и по ярой[13]и долговременной сечи едва греки преодолели. Оставшие россияне ввечеру к находящемуся у берегов войску возвратились, вошли в ладьи и пустились в море. Феофан, воевода греческий, вышед к ним навстречу, пустил трубами огонь на ладьи российские. От страшного сего чуда и от загоревшихся судов бросались многие в воду и все принуждены были спастись бегством. Возвратясь в отечество, Игорь тем победу себе отняту быть сказывал, что греки на войско его пускали огонь, молнии подобный.

Однако, желая мщением защитить свою славу, отправил послов к варягам за море, побуждая их воевать против греков. Итак, собрал множество войска: россиян, варягов, полян, славян, кривичей, тиверцев и нанял печенегов, взяв от них аманатов. С оным войском пошел на греков морем и землю[14]. Услышав сие, корсунцы послали весть к Роману царю, «что идет на него бесчисленное войско и суда покрыли море». Также и болгаре уведомили греков, что идет Игорь сухим путем и нанял печенегов. Роман, сие слышав, послал к Игорю с дарами и с прошением, чтобы не ходил воевать земли Греческой, но взял бы дань, которую прежде брал Олег, и еще с прибавлением. Также и к печенегам послал шелковые поставки в дар и много золота. Игорь, достигши Дуная, созвал своих военачальников, сказал цареву посольство и стал с ними советовать. Тогда все согласно предлагали: «Когда царь так просит, чего нам желать больше? Без кровопролития получим серебро и золото и шелковые поставки. Кто знает, кому будет победа? и кто с морем договорился, чтобы не взволновалось? Не по земли,

но по глубине морской ходим, где всяк скорой подлежит смерти». Сего совета послушав, Игорь печенегам велел воевать Болгарскую землю. Сам, взяв от греков шелковые поставки, серебро и золото на все свое войско, в Киев возвратился.

По сем греческие цари – Роман, Константин и Стефан – прислали послов своих к Игорю для заключения и совершения прежнего мира[15]. Игорь, говорив с ними о союзе, послал бояр своих в Грецию. Роман по совету сановников с российскими послами поставили мир в следующих статьях: «Великому князю российскому Игорю и всем, стоящим под его рукою, быть в мире непоколебимом с цари греческими – Романом, Стефаном и Константином – вечно, доколе солнце сияет и весь мир стоит, и кто тишину нарушить помыслит, христианин да примет мечь от Бога Вседержителя, осуждение на погибель в сей век и в будущий, некрещеные да не имеют помощи от Бога и от Перуна, да не возмогут защититься щиты своими, да посечены будут мечами своими, да падут всяк от своего оружия и да пребудут раби вовеки. Великому князю Иго-

рю и боярам его отпускать в Грецию судов сколько угодно с послами и с купцами, и, как узаконено, послам носить печати золотые, а купцам серебряные. В грамотах объявлять число кораблей. Без грамоты приехавших держать за сторожами до уведомления российскому князю; противников убивать, не опасаясь взыскания, а о беглецах отписывать князю, с коими поступать ему по своей воле. Когда россияне придут без купечества, то им не брать помесячных сборов по запрещению княжескому, не бесчинствовать в селах страны Греческой и жить в приходе у Святого Маманта. Приехавших переписывать всех поименно, и тогда пускай берут купцы свое помесячное, а послы дань на Киев, Чернигов и Переяславль и на прочие города. Для торгу в город входить по пятидесяти человек, одними воротами, за царскими приставами, и буде кто россиянин или грек учинит неправду, то они должны давать управу. Россияне, входя в город, не делали б обиды и паволок не покупали б выше пятидесяти золотых. Купленные товары показывать приставу, который запечатав отдать им должен. При отъезде

братъ россиянам на дорогу съестные товары и что потребно для судов снасти, как прежде сего установлено, и провожать их с прикрытием греческим, а у Святого Маманта зимовать не позволяется. Ежели раб бежит от россиян к грекам и сыщется, взять его обратно, буде же не сыщется, то платить за него по присяге две паволоки, как установлено прежде. Ежели беглец ушел и взял снос, а по возвращении будет цел, должно платить два золотых. Когда россиянин у грека или грек у россиянина покусится что отнять, наказан будет весьма жестоко, а буде действительно отнимет, должен возвратить вдвое, то есть украденное в целости и приложить к тому деньги, чего оно стоит; а когда украденное будет в продаже, отдать двойную цену и татя наказать по законам российским и греческим. Пленников выкупать молодых мужчин и девок взрослых и добрых по десяти золотых, за середовичев по осьми, по пяти за старых и малолетных. Когда найдется россиянин в рабстве у грека как пленник, давать за него выкупу по десяти золотых, буде же он греком куплен, заплатить ему данную цену. Россий-

ским князям не воевать земли Корсунской и не иметь над ней никакой власти, ибо она состоит под Греческою державою. А когда российские князи воюют другие страны, тогда греки должны вспомогать потребным числом войска. Когда найдут россияне судно греческое, выкинутое на берег, то бы оно не обидели. Буде ж кто обидит или что возьмет, либо человека поработит или убьет, тот повинен наказан быть по обеих сторон законам. Корсунцам, ловящим рыбу в днепрских устьях, не делали бы россияне никакой обиды и в устьях бы тех не зимовали, ни в Белобережье, ниже у Святого Елевферия, но возвращались бы на осень в свои дома; и сверх сего, приходящих черней и болгаров воевать страну Корсунскую не допускать князям российским.

Греков-преступников казнить российские князи не имеют власти, но их оставлять на истязание царям греческим. О убийствах судить, как положено было в прежнем договоре с Ольгом. Когда случится нужда Греческому царству в войске против сопостатов, то великий князь российский посылать имеет по гра-

моте требуемое число, из чего уведают иные страны, какую любовь имеют с Россиею греки». По сему договору присягали российские послы Перуном и оружием, а христианский закон принявшие дали присягу в церкви Святого Ильи; и царя греческого послы российские к присяге приводили. По их возвращении Игорь, доволен будучи заключением сего мира, вошел на холм к Перуну, положил перед ним оружие, щиты и золото и присягал перед греческими послами, и купно его бояре и воеводы.

По заключении сего мира княжил Игорь целое лето в покое, который наставшею осенью пресекася[16]. Был у него знатный воевода именем Свендельд, которому из особой любви и милости отдал во владение Древлянскую землю, приобретенную и отягощенную даньми прежде походов своих на Грецию. Свендельд брал по черной куне с дыму и тем весьма обогатился. Военачальники Игоревы, воевавшие с ним Грецию, тому завидуя, говорили князю, что он подарил толь много одному человеку и служащие Свендельду украшены оружием и платьем, а они наги. Итак, со-

ветовали идти к древлянам для собрания дани для него и собственной их корысти. Игорь, послушав совета, пошел с нарочитым войском, дабы еще прибавить к первой дани. По многом учиненном насильстве поехал обратно в Киев, однако еще к древлянам для большей корысти с малым числом людей повернулся, несмотря на их отрицательные представления. Древляне рассудили с князем своим, которого Малом звали, «что когда волк привыкнет похищать овец, то выносит все стадо, пока убит не будет». Итак, вооружась на Игоря, перед Коростенем, главным своим городом, его и бывших при нем убили. Могила его была на том месте видна еще во времена летописателя российского Нестора.

Глава 4 О княжении Ольгине

По убиении Игореве приняла владение великая княгиня Ольга [17] ради несовершеннового возраста единого сына своего Святослава. Древлянам показалось вдовство ея и младость Святослава по их силам, чтоб не токмо от подданства свободиться, но и князя своего возвести на владение киевское, сочетав его с Ольгою браком, и тем взять большинство над россами и полянами. Отправленные для того в Киев двадцать человек знатных приехали водою и пристали под Боровичем. Вода в то время текла близ горы Киевския, и жители не имели еще домов на Подоле, но по горе поселясь жили. Вне города стоял другой двор княжеский, называемый теремной для высокого каменного в нем терема. Ольга, услышав о приезде, возмутилась печалию, видя наглость убивцев своего супруга. Слезам и плачу ея соответствовал весь народ рыданием и воплем. По некотором утолении великой печали предприяла великая княгиня в сердце своем

отмстить древлянам смерть супружню всевозможными способами. И для того, во-первых, хитрым приятием посланцев положила начало к произведению своего умысла; ласково отвечала представшим перед нею с дерзостною речью, что они от Древлянской земли посланы ей сказать: «Мужа твоего убили мы за отягчение нас безмерною данию, которою, однако, еще не довольствовался, как волк нас расхищая. Наши князи добронравны, обогатили свое владение земледельством; и тебе прилично посягнуть за князя нашего Мала». – «Люба мне речь ваша, – сказала премудрая Ольга, – уже не воскресить мне своего супруга. В оказание моего благоизволения к вашему князю и к вам окажу вам честь и преимущество пред людьми своими. Ныне возвратитесь в судно ваше спокойно, а завтра умеете им показать свое преимущество».

В следующий день пришли посланные от Ольги на берег к древлянскому судну, прося их по княгинину повелению в город на изготовленную для них почесть. Древляне величаясь ответствовали: «Не хотим ни пеши, ни на конях итти с вами; вы в ладье нашей на го-

ловах своих нас понесите». Повинуясь раболепно, посланные с таким странным позорищем взошли на двор теремной. Ольга, смотря с высоты его и смеясь глупой гордости, величание их в горесть превратила. В уготовленную на дворе нарочную яму повелела с ладьею древлян вдруг повергнуть. И приближась спросила, довольно ль приятна им оказанная на сватовстве почесть. Древляне с раскаянием и страхом в яме кричали, что Игорева смерть не принесла им пользы и что за их злодеяние преданы достойной казни. Она совершена вскоре засыпанием их живых в землю по Ольгину повелению.

Немедленно отправляются нарочные в Древлянскую землю, чтоб для совершения сватовства присланы были от древлян знатные люди, кои бы приняли и привели Ольгу к своему князю с должною честью, и чтобы ее киевляне удобнее отпустили. Древляне, не видев от своих прежде посланных для уверения ни единого человека, – о сельская простота! – поверили. Пятьдесят правителей земли Древлянския без укоснения приехали в Киев. Спросили ль о своих прежних посланцах, ни-

чего о том не упоминается. Здесь что-нибудь Нестором упущено; без того невероятно больше кажется древлянская оплошность. Ольга повелела их просить после труда дорожного в баню по обычаю российскому, в которой обложенным хворостом зажжены и обращены в пепел.

Страшного сего и сурового мщения нареkanie умягается полезным Ольгиным промыслом, которым знатную часть главных древлянских начальников истребила и приуготовила путь к будущей победе. Для предупреждения о сих делах ея вести в землю Древлянскую послала скорого гонца, объявляя, что уже она в пути и чтобы при могиле Игореве приготовлены были разные меды и всяких пицей изобильно, дабы она первому своему супругу на память совершить могла тризну прежде вступления во второе супружество. Древляне обрадовались ея приходу и повеленное исполнили перед главным своим городом Искорестом. Великая княгиня Ольга по обещанию своему с избранными людьми не к брачному веселию, но к бою приходит на уреченное время. Древляне, в праздничном пла-

тъе цветоно надевшись, выезжают из города навстречу и принимают ее с великою честью. На вопрос о первых и вторых посланных ответствовано, что следуют с тяжкими возами великого богатства княгинина, которое она уже больше древлянам вверяет. Сверх сего, присутствие Ольгино с малым числом людей довольно было к отнятию сомнения о потаенном коварстве.

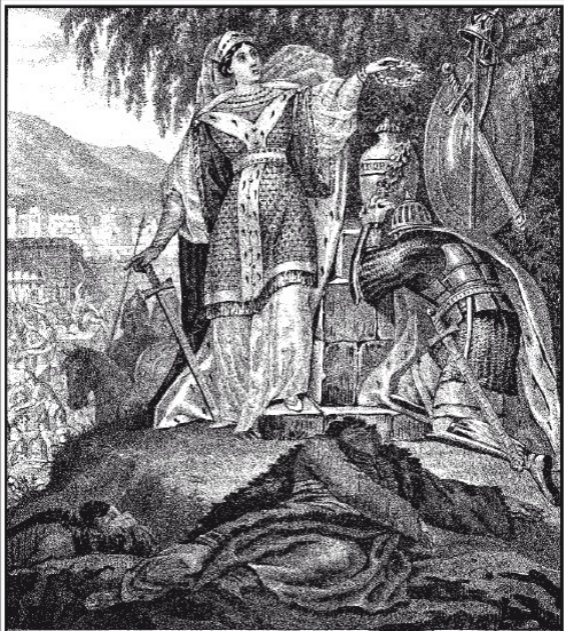
По договору своему с древлянами прежде мнимого ими брака возвышает великий бугор над супружнею могилою, орошает оный слезами, обагряемый потом кровью его убийцев. Древляне, увидев, что Ольга после горького плача надевается в светлое и брачному торжеству приличное платье, стали веселиться, пировать и поставленными медами упиваться. Киевляне тщились, как слуги, угощать их с великою ласкою и уклонностию; сами по повелению премудрыя княгини пили весьма умеренно, не для пьянства, но только для лучшего ободрения к наступающему совершению сокровенного предприятия. Веселящимся и даже до отягощения упившимся древлянам казалось, что уже в Киеве повеле-

вают всем странам российским, и в буйстве поносили Игоря перед супругою его всякими хульными словами. Внезапно избранные проводники Ольгины, по данному знаку, с обнаженным оружием ударили на пьяных; надежду и наглость их пресекли смертью. Пять тысяч порубленных, меж коими множество знатных было, покрыли трупами Коростенское поле, и чаемый брак превратился в ужасную тризну в честь Игорю. Ольга, исполнив свое намерение, в Киев поспешно возвратилась и немедленно собрала знатную силу, чтобы на смятенного в слабости неприятеля, не дав отдохновения, напасть с большим успехом.

Для вящего ободрения своих войск приемлет в участие военачальства сына своего Святослава, младостию и бодростию процветающего. Пришедших на Искорест встретили древляне вооруженною рукою, и как обеих сторон полки сошлись к сражению, Святослав кинул копьё в неприятеля и пробил тем коня сквозь уши. Свенельд воевода вскричал: «Князь наш бой начал; други, станем за него крепко». Великого стремления войск Ольги-

ных и Святославлих не стерпев, древляне устремились в бегство; оставшиеся от посечения меча российского в городах своих затворились. Ольга и Святослав Искорест обступили, который главною виною был Игорева убийства. Осада через целое лето не могла принудить древлян к сдаче для сильной их обороны. Грозная и неизбежная казнь укрепляла в них последние силы к храброму отпору.

Ольга, видя тщету долговременной осады, к хитрости острый ум обращает и, послав перед стены, объявляет древлянам: «Города ваши все мне покорились и дань обещали; уже безопасно пашут свои нивы. Вы ж хотите помереть голодом, отрицаясь быть данниками моими». Древляне ответствовали: «Мы бы дань платить ради, однако опасаемся, что еще будешь мстить смерть своего супруга». Ольга, уверяя их, сказать велела, «что за Игоря трожды мстила и больше гнева на них не покажет, но, взяв дань, в Киев возвратится со всею силою». Мед и зверских кож мехи (тогдашние деньги) на произволение великой княгине древляне обещали. «Ныне сами вы медом и мехами скудны, – с притворною жа-

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА 945 ГОДА.

*Отдасть последній волю (Тризна) надъ прахомъ
супруга своего Игоря; отмицая Дривлишма за у-
щрицкити его.*

лостью говорит Ольга, – малою данью доволь-

на буду: дайте на войско мое по три воробья и по три голубя с дыму. Не хочу отяготить вас чрессильными налогами и супругу своему в том не последую». С охотою древляне требуемое исполнили и от Ольги с удовольствием услышали: «Мне и сыну моему вы покорились; завтра отступлю от города. Скажите жителям сию радость».

Принесенная в город посланными весть произвела в древлянах с отрадою оплошность, в которой только лишь на сон безопасно склонились, повсюду пылающим пожаром пробуждены и внезапным ужасом пришли в крайнее возмущение. Ибо принятым в дань и разделенным по всему войску птицам повелела Ольга привязать по фитилю каждой и к вечеру отпустить на волю. Великое голубей и воробьев множество, прилетев во свои гнезда с огнем под кровли, в голубятни и на башни, зажгли на всех местах город. Жители не имели времени о гашении домов своих стараться, но в крайней торопливости, желая от огня избыть, бежали вон из города, где встречали и посекали их полки Ольгины. И так, между мечом и пламенем древляне волнуясь, принуж-

дены были из них одному отдаться в жертву. Поиманные старейшины городские иные казнены смертью, иные Ольгиным военачальникам отданы в рабство. На оставшихся тяжкая дань вложена: две части на Киев, третья на Вышгород, который особливо принадлежал и был любим Ольге.

По сем хитрая победительница с храбрым сыном, обшед землю Древлянскую, учредила перевозки, пристани и ловли, положила новые о всем законы и уставы и в Киев принесла корысть и радость. Где успокоясь от трудов один год, новгородскую страну посетить путь предприняла[18]. По Мсте и по Луге, где беспорядочные чудские жители худым домостроительством бедную жизнь препровождали, поселила славенских переведенцев, построив погосты; предписала ловли и другие прибыточные учреждения и наложила оброки по всей области; перевозки по Днепру и по Суле, возвращаясь в Киев, установила. Приближающийся к совершенному мужеству возраст Святославов, любовь взаимная и в цветущем состоянии отечество вящие обещали удовольствия.

Глава 5

О княжении Святославоуе

Ольга, видя довольные опыты способности своего сына ко владению Российским государством, склонилась желанием к покою, в котором пребывая рассмотрела разность нравов между идолопоклонниками и христианами, которых уже было в Киеве немало после крещения россиян во время несчастливого Оскольдова и Дирова похода к Царюграду. Итак, поручив великое княжение Святославу, единственно обратила мысли к христианскому закону, в котором больше человечества и просвещения усмотрела, нежели в варварском прежнем невежестве. Сим подвигнута, достигает Константинова града[19], открывает свое желание царю и патриарху и святым крещением сочетается Христовой церкви,

преименовавшись Еленою.

Маловероятное обстоятельство при крещении сея государыни повествует Нестор, то есть о пленении любовью греческого царя к Ольге, и что он перехищен ею был приятием от купели, дабы после не мог требовать как восприемник с нею супружества. Ежели сие было подлинно, то много верить мы должны: первое, что Ольга, после сочетания с Игорем прожив пятьдесят два года, могла еще прельстить царя красотою; второе, что царь греческий и его бояре такие невежды и толь недогадливы и, словом, простаки были больше, нежели древляне, затем что о ближнем кумовстве, супружеству препятствующем, не могли вспомнить. Обстоятельства по возвращении Ольгине в Киев, Нестором показанные и другими писателями яснее изображенные [20], о том рассуждать принуждают, что то учинено было Ольге в насмешку. Ибо царь греческий от просвещенной крещением и в Киев возвратившейся Ольги посольством требовал обещанных даров: воску, белых мехов, рабов и войска за его дары в благодарность. Ольга ответствовала, что царь ее обидел, ко-

варствовав ее старости. За дарами бы пришел сам и постоял бы у ней в реке Почайной, как она стояла у него в купели. С таким ответом послы тщетно возвратились.

Святослав, не внимая закону, в едино военное дело всем желанием вникнул. Однако не запрещал своим подданным креститься; крещеных держал в презрении и посмеянии. Матери своей не отнял власти, проезжая российские пределы, особливо ж Псковскую область, ее родину, обращать народ в закон христианский, ставить кресты и молитвенные дома. Совокупление храбрых воинов и сильных полков почитал самым лучшим своим веселием. Перелетал неприятельские земли наподобие орла и ударял на них леопардовым стремлением. Ни многие обозы с запасами или с орудиями, к приуготовлению пищи нужными, ни шатры, ни постели к упокою не препятствовали быстрым походам. Изрезанное тонко всякого рода мясо и на углях испеченное довольно было к его насыщению. Вместо постели из-под седла войлок, седло вместо подушки, епанча за шатер служила, в чем все воинство подражало

СВ. КРЕЩЕНИЕ КНЯГИНИ ОЛЬГИ. 955

*Ольга принимает, в Царьград святое крещение,
в котором наречена Еленою*

своему государю.

Первые после древлянских были походы его на Оку, Волгу и Вятку[21]. Многие платили из них дань козарам, турецкого поколения народу; оных учинил своими данниками. И чтобы утвердить свое завоевание, на самих козар подвигся[22]. Главное селение их было в Херсоне, что ныне Крым зовется, однако и к полунощи далече простирались по широким полям до предел российских. Каган, князь их, встретясь с великою силою, вступил в сражение против Святослава. Но принужден по многом кровопролитии уступить ему победу; взят город Белая Вежа; плененные козары и с ними побежденные ясы и косоги приведены в Киев пленными.

Между тем греческий царь Никифор Фока царствования своего в четвертое лето увещевал Петра, болгарского государя, письмами, чтобы не допустил турков через Дунай переправиться и опустошать римского владения пределы. Для небрежения сих увещаний и отказов с разными отговорками посылает к Святославу царь патрикия своего Калокира, обещанием даров и услуг возбуждая на болгар. Россияне по мирному с ними договору вошли

со Святославом в Болгарию, города и крепости сравнили с землею. По Несторову свидетельству, пришли тогда осьмдесят городов под российскую руку. Переяславец нарек Святослав себе столицею в земли Болгарской, с греков брал дань по прежним договорам.

В отсутствие великого князя Святослава на Дунае пришли на Россию печенеги[23]. Ольга затворилась в Киеве со внучаты своими Ярополком, Ольгом и Владимиром. Сии ради малолетства, она для старости не могли стать против тяжкой силы печенежской с малым числом людей, оставленных от Святослава. Во время таковой тесной осады Киева невозможно было иметь сообщения с собравшимися людьми для освобождения города и в ладьях на другой стороне Днепра стоящими. Голод и жажда принуждала жителей к сдаче; для того сыскали некоего молодого человека, который взялся дать весть через реку о настоящей крайней нужде в городе. Держа в руке узду, побежал по печенежскому стану и спрашивал их языком о своей лошади. Таким образом достиг Днепра и, скинув платье, за реку поплыл. Стреляли по нем печенеги, но без

успеху; весть своим подал, что буде завтра не учинят в судах на неприятеля нападения, город сдастся; мать и дети великого князя в гнусный полон отведены будут. Тогда Притич воевода побуждал собравшихся в судах россиян, представляя в городе бедственную нужду, необходимый гнев Святославов и казнь за оплошность и боязливость. Велел всеми ладьями приступить к киевскому берегу, чтобы хотя избавить из рук печенежских Ольгу со внуками, увезши на другую сторону. При наступлении дня затрубили на ладьях россияне и дерзостно устремились к приступу; люди в городе подняли крик великий. В ужас пришли печенеги, представляя себе пришествие самого великого князя. Отступают от города в разные стороны; и Ольге со младыми князьми свободный проход к ладьям отворился. Видя сие, князь печенежский спросил о шуме и, услышав ответ от Притича, что он военачальник передового войска Святославля, который со всею военною силою за ним в близости следует, пришед в страх, печенег заключил мир с Притичем, дав ему в знак коня, саблю и стрелы, а от него взаимно принял латы, щит

и саблю. И так совершенным отступлением печенежским Киев избавился от тесного облежания.

Вскоре отправлены послы к Святославу, которые, достигши на Дунай, бывшее бедство ему возвестили, сказав: «Чужой ты земли, государь, ищешь, свою пренебрегая. Мать и дети твои много страха и нужды претерпели и едва в злодейские руки не впали печенегам. Буде не ускоришь приходом в Киев, то, конечно, новым нападением неприятели кровь твою похитят. Сжался над отчиною своею, над престарелою матерью и над детьми малолетними». Побужден чрез сие, Святослав без укоснения на конях со многим войском направил путь свой к Киеву, где с жалостию и радостию целовал мать и детей своих и печенегов отогнал в отдаленные места от киевских пределов.

Потом, устроив все мирно и положив город в безопасности, говорил с матерью о своих намерениях и притом объявил ей и боярам: «В Киеве жизнь мне не нравна; затем пойду на Дунай в Переяславец, где середина моего владения и всякое изобилие ко мне собирает-

ся: из Греции серебро, золото и паволоки, вино и овощи различные; из Богемии и Венгрии серебро и кони; из России мягкая рухлядь, воск, меды и люди». Ольга, проливая слезы, представляла: «Что оставляешь нас, любезный мой сын, сирых?»

Чужих земель желаешь, а свою кому поручаешь? Дети твои малолетны, я дряхлой старости достигла и, конечно, к смерти изнемогаю. При конце моей жизни вспомни прежнее к тебе матернее прошение, веруй со мною единому Богу Вседержителю. Он подаст тебе к земному небесное царство. Но ты сего учения ненавидишь и на гнев преклоняешься. Итак, единого прошу, пребудь здесь краткое время, до скончания моего течения. Погреби тело мое по христианскому закону, не сыпь высокой надо мной могилы и не совершай тризны по обычаю неверных». По сем завещании в третий день преселилась блаженная Ольга к вечному покою. Святослав, исполнив ее повеление, с плачем проводил святое тело ко гробу. Внуки, бояре и весь народ жалостным воплем отдали последнее целование великой героине, премудрой правительнице и истин-

ной богоугоднице, жившей в супружестве сорок два года, после Игоря до крещения десять, в христианстве пятнадцать, всего близ лет осьмидесяти. Оставшие христиане неутешно рыдали, лишась себе прибежища.

Перед вторым походом храброго Святослава на Дунай присланные от великого Новагорода нарочные били челом, соединив прошение с республичною грубостию, чтобы великий князь посадил, кого изволит, на княжение новгородское[24]; буде ж никто из детей Святославлих не пойдет, то сами найдут себе иного князя. Святослав сказал: «Выбирайте; лишь бы кто к вам пошел, зная ваше упорство». Ярополк и Ольг тотчас отказались. Новгородцы по совету Добрынину стали просить Владимира. На что Святослав охотно склонился и молвил: «Будьте вы его». Владимир рожден был от Ольгиной ключницы, именем Малуши, дочери некоего Малка, родом любчанина, сестры Добрыниной. С сим своим дядею в великий Новгород отпущен на княжение. Старшему сыну Ярополку поручил Святослав вместо себя Киев, среднему Ольгу Древлянскую землю; сам предпринял поход на Ду-

най к Переяславцу с великим воинством[25].

Перед тем Иоанн Цимисхий, коварно царя Никифора Фоку по наущению жены его убив, воцарился[26]. Болгаре в Переяславце от Святослава затворились; вышли потом против россиян на вылазку и начали их осиловать. Отступающих своих, разъезжая по полкам, князь укреплял к бою, дабы лучше все головою пали, нежели бегством затмили прежнюю свою храбрость. К вечеру одержана над болгарами победа; два сына Петровы, болгарского государя, Борис и Роман в полон взяты.

По сем россияне, по желанию своего князя, для великой удобности мест владение и пребывание свое на Дунае утвердить в намерении положили. Сие их предприятие основалось еще больше Калокиром, который обещал, что ежели его россияне возведут на престол Греческого царства, то союз с ними поставит, уступит вечно Болгарию и обещанную им дань умножит. Сим россияне обнадежены, Болгарию причли в свое владение и послов Цимисховых без успеху о мире отпустили, ибо Святослав велел послам сказать, чтобы греки платили дань по-прежнему: за

неисполнение, как болгары, постраждут. Греки, притворяясь быть к тому готовыми, спросили, много ли у Святослава войска, дабы по числу их дань расположили. Вопрос их коварно простирался для изведывания числа войск российских (сие повествуя, Нестор «льстивы, – говорит, – греки и до сего дня»). Святослав, имея только десять тысяч, сказал грекам число сугубое для устрашения и для получения большей дани.

Цимисхий собрал войска до ста тысяч, привел восточные полки к западу, и Варде Склеру, своему шурина, поручил военачальство. Россияне с великим князем Святославом, услышав переезд греческого войска, соединили подданных себе болгар и, присовокупив в сообщество печенегов и живших в западной Венгрии турков, в трехстах осьмидесяти тысячах вошли во Фракию, опустошая все грабежом и пламенем, и, ополчася станом при адрианопольских стенах, ожидали к сражению случая. Варда сидел в Адрианополе с двенадцатью тысячами греческого войска и, не дерзая против осадивших город выйти вылазкою, пришел у болгар в презрение, кото-

рое причиною было их нерадения: ибо стали беспорядочно стоять в станах, не прилежать о караулах и, сверх того, по ночам роскошничать, препровождая оные в веселии и в пьянстве. Варда выслал малое число людей на болгар выманить к бою. И как бегущих греков беспорядочно гнали, Вардиным войском, со сторон из засады вышедшим, разбиты и отогнаны, в коем числе впоследствии и печенегов немалое падение. Прочее войско, из россов состоящее, продолжало бой с греками до ночи. На кровопролитном сем сражении многий ущерб почувствовали обе стороны, и хотя греков только, по свидетельству Кедрина, мало легло на поле, однако все были ранены.

Потом царь Иоанн Цимисхий, во второе лето своего царства предпринимая поход на Святослава, старался присовокупить к пешему войску флот на Дунае, к чему новые суда построить и старые велел исправить. Способствовало к тому весеннее время. Приближающемуся к Редесту, двое россиян пришли навстречу под видом посланничества, а делом для осмотра греческого войска. Нарочно пока-

занному себе по царскому повелению греческому войску в украшенном строю дивились. Отпущены с тем, чтобы князю своему о исправности противных полков возвестили. Вслед оных с пятью тысячами пехоты и с четырьмя конницы спешно перешел гору Гем, к российским полкам внезапно приблизился перед столичный болгарский город Переяславец. Калокир, начинатель сея войны, сидевший тогда в городе, услышав звук труб от греческого войска и присутствие самого Цимисхия, ужаснулся и немедля тайно из города ушел в стан российский, где известие, от него полученное, произвело в войске робость. Святослав, сильным увещанием ободрив унылых, поставил свой строй при Переяславце против греческого стана. Вскоре греки нападение учинили. Сразились обои войска жестоко. Сидевшие россияне из города выпали своим полком в помочь, от чего для тесноты замешательство учинилось и ущерб Святославлем силам. Свигелл, первый его военачальник и в Переяславце градодержатель, отворачая опасность от города, ворота запер и, огорожаясь жердьми и копьями, отбил стрела-

ми и камнями от стены греков. Наступившая ночь приступ к городу и бой пресекла. На другой день воевода греческий Василий с прочим царевым войском приспел при восхождении солнца, царя обрадовав и ободрив всех греков, которые соединенным стремлением к городу приступили. По жестокой и упрямой обороне россияне принуждены были оставить стены во власть неприятелям и оградой царского дому защищаться. Греки, не возмогши взять силою, огонь вместо оружия употребили, истребили россиян из города. Многие сгорели; иные в полон взяты; некоторое число спасшись печальную весть принесли Святославу. И так Переяславец взят, обновлен и во имя Цимисхиево Иоаннополем проименован.

Святослав хотя весьма уроном возмущился, однако мужественным видом и словом ободрял свое войско дерзостно идти против греков. Триста человек подозрительных болгаров предал смерти и двенадцать миль перед Доростелем ополчился, ожидая Цимисхиева прихода. При схождении на сражение обоих войск государи ободряли своих солдат, и по

трубному голосу снялись равным дерзованием. Двенадцать раз греки в бегство обращались. Однако ж Цимисхий своим присутствием под царскими знаменами открыто наступал на россиян, поощряя коня и копье свое в них бросая. И таким образом принудил Святослава отступить в Доростоль, к коему приближась, стал станом, ожидая своего флота по Дунаю для способнейшего приступа к городу. Между тем Святослав военнопленных болгар велел держать связанных, числом около двадцати тысяч, опасаясь от них возмущения, и таким образом приготовился выдержать осаду.

По приезде судов Цимисхий зачал добывать город. Тогда в кровопролитных вылазках и сражениях Святослав потерял храброго военачальника и ближнего своего боярина Свигелла; однако город кругом укрепил рвом глубоким и положил твердо стоять против греческих приступов. Великая нужда, от долговременного греческого obleganiya в съестных припасах происшедшая, заставила россиян употреблять тайные поиски в свою пользу.

В темную и дождливую ночь две тысячи

человек сели в мелкие суда и по Дунаю поеха-

ли искать себе припасов для пропитания войска. Собрав довольное множество всякого хлеба и возвращаясь к Доростолу, заметили на берегу много обозных людей греческих, которые для поения лошадей, для собрания дров и сена по берегу рассеяны, ходили безопасно. Внезапным нападением великое поражение и ущерб Цимисхию причинив, в Доростоль с довольною добычею возвратились. Осемь недель претерпевая россияне осаду, особый вред от стенобитной махины, поставленной полководцем Куркуем, чувствовали в городе. Для того высланные от Святослава избранные воины, чтоб пагубное сие истребить орудие, Куркуя убили, невзирая на его храбрость. Из россиян мужественный военачальник Икмор, не родом, но удалством достигший своего чина, второй по Свигелле, живота лишился от меча Анемала, стипатора царского. После оной кровопролитной вылазки находили греки между российскими трупами убиенных женщин, которые в мужеском одеянии мужскою храбростию сражались с неприятелем, доказывая истинное сродничество с древними амазонками.

В таковых утеснениях многие советовали бегство предпринять восвояси, иные – мир с греками поставить. Святославу одно бесчестно, другое бесприбыльно, обое опасно казалось. Для того, еще хотя отведать своего счастья и тем показать постоянство российской храбрости, говорил к своим: «Деваться нам больше некуда: своя земля далече; неверные печенеги живут на дороге; союзники, опасаясь по соседству греков, помощи нам не пришлют. Станем храбро и не посралим своего отечества, не дадим себя в презрение трепещущим от нас народам. И если счастье мужеству нашему будет противно, положим свои головы: мертвые не стыдятся. Первый сам перед вами на сражение выйду. Когда голова моя ляжет, вы как хотите о себе промышляйте». Все единогласно воскликнули: «Где твоя, государь, тут и наши головы будут».

Уже с восхождением зари город отворяется; выходят с отменной бодростью и скоростью за благонадежным своим предводителем и государем полки российские без остатку полыми везде к неприятелю воротами, которые по Святославлю повелению за ними за-

творены для пресечения всея надежды на бегство. Почувствовали греки свое изнеможение и россиянам уступают поле. Великий зной и тягость их оружия и чрезвычайное россиян дерзновение отнимает неприятелям силу и надежду. Цимисхий, на место сражения при-скакав, ободряет своих к бою; изнемогших и с побоища уклоняющихся повелевает укреплять вином и водою. И хотя полки греческие присутствием царским и утолением жажды большее показали сопротивление, однако от города отступили на пространное поле. Кед-рин пишет, что греки сим отступом нарочно хотели выманить россиян на пространство, чтобы их окружить своею силою, однако от того вымысла не имели успеха. Цимисхий, видя своих падение, послал в буйности ко Святославу вызывать его с собою на поединок с советом, что лучше умереть одному за отечество, нежели толикому народа множеству. Святослав отвечивал: «Много есть разных путей к смерти, из коих царь греческий может себе любой выбрать, буде ему жизнь на-скучила. А что мне полезно, то сам лучше знаю, нежели мой неприятель». Между тем

на кровопролитном сражении Анема Храбрый, надеясь убиением российского князя вскоре одержать совершенную победу, устремился на своем коне прямо против Святослава и ударил его по голове саблею, но он невреден под своим шлемом остался; Анема убит по крепкой обороне. На сем сражении по Кедринову свидетельству греки, по Несторову-россияне верх одержали. Вероятнее всего, что победа в сомнении осталась.

Между тем Святослав, рассудив малое число своего войска и во всем недостаток, к миру преклонился. Итак, вечный союз утвердив с греками, в Россию путь предпринимает[27]. Военачальникам объявляет, что ежели греки отрекутся платить дань, которую, как Нестор пишет, давать обещались, бесчисленное собрав войско, паки на Дунай и к Царюграду для взыскания оныя пойдет. Цимисхий, возвратясь в Царьград, плененного болгарского царя Бориса с триумфом вводит и при всенародном множестве снимает с него венец и прочие царского достоинства признаки для уничтожения Болгарского царства.

В приближении к Днепру Свенельд сове-

товал Святославу итти к Киеву на конях, представляя опасность водяного ходу и что в порогах стояли печенеги. Непринятию доброго совета последовала гибель, ибо переяславцы с Дуная подали весть печенегам, что Святослав идет из Греции малолюден, везет с собою великое множество плененного богатства.

Обрадованные тем печенеги пороги заступили и, Святославу пресекиши путь, отсюду россиян окружили. Принуждены будучи зимовать в Белобережии и претерпевать великий недостаток в съестных припасах, ужасный голод принудил тогда покупать лошадиную голову по полугривне. В начале весны в походе к Киеву порогами напал на россиян Куря, князь печенежский, нечаянным набегом, где Святослав имения и живота лишился. Череп головы его, золотом оправленный, служил вместо чаши печенегам при пирных веселиях с надписанием: «Кто чужого ищет, свое потеряет». С малыми остатками Свенельд достиг в Киев к Ярополку.

Беспрестанными войнами славное и беспокойное владение великого князя Святосла-

ва Игоревича продолжалось лет двадцать
ошьмь; всего жил около пятидесяти трех лет.

Глава 6

О княжении Ярополкове

Старший сын Святославль Ярополк по несчастливом отца своего скончании принял киевское великое княжение и правление [28], с которым ради несовершенного возраста сам состоял под правлением Свенельдовым, бывшего первым военачальником при отце его и деде. Сею властью напыщен, сын Свенельдов, именем Лют, оскорблял многих своим злым самовольством, как то имя (конечно, прозвище) и обстоятельства изъясляют, ибо он был главною виною плачевного братоубийства.

Выехал некогда на звериную охоту в пределы древлянские владения Ольгова, где сам князь древлянский Олег в том же упражнении прилучился. Спросил о приезжем охотнике и, уздав, что то сын Свенельдов, на гнев подвигся; уже несомненно до того времени о буйстве его предупрежден был слухом. И так изъехав Люта убил на той охоте. Свенельд, болезнуя сердцем и злобясь на Ольга, с

того времени часто советовал Ярополку, чтобы присовокупил к своему владению Древлянскую землю и, как отец и дед, был бы един самодержавец. Чрез сие потаенно и коварно искал смерти Ольговой для отмщения смерти сыновней.

Наконец, стужанием и прошением своего любимого и многою властью сановитого боярина побужден, восстал Ярополк войною на древлян против брата своего Ольга, который хотя встретился противным ополчением, но по жестоком сражении принужден был в бегство обратиться к городу древлянскому, называемому Вручаю, где плотина вместо мосту для въезду в ворота городские служила. Множество бегущих и гонящих, стеснясь, друг друга с мосту пхали. Олег, упав в ров глубокий, под множеством людей и коней, сверху поверженных, задавлен, живота лишился. По взятии города послал Ярополк искать его между трупами мертвых, и по объявлению некоего древлянина искали его во рву целый день, разбирая убиенных. На другой день едва найден; толикая пагуба от тесноты места или, праведнее сказать, от братского междо-

усобия причинилась!

На ковре положенное тело увидев, Ярополк возрыдал горестно и в раскаянии говорил: «Лучше бы мне, любезный мой брат, умереть было, нежели тебя видеть мертвого и мною живота лишенного. А ты, мститель, – Свенельду сказал со гневом, – видишь исполнение своей злобы. До чего ты довел мое легкомыслие?». По Ольгове погребении и по совершении тризны перед Вручаем Ярополк возвратился в Киев как самодержец российский.

Слышав сие, Владимир отъехал из Новгорода к варягам, дабы не пострадать того же, что среднему брату приключилось. От Ярополка посажены были немедленно в Новгороде наместники.

Счастье, нередко злодеяниям поспешествующее, присовокупило Ярополку к победе над братом другую над печенегами, которые отдались ему в данники. И князь их Алдея вступил в российскую службу, получив великую честь с волостями и городами.

Новгородские летописатели присовокупляют, что во владение Ярополково приходили

послы от папы в Киев. По обстоятельствам поверить можно, что, уведав римского исповедания христиане о войнах российских с греками и притом о множестве христиан в Киеве, покушались ввести в Россию веру и власть папезскую, равно как и после, при Владимире, о законе было посольство от папы.

Последний год владения Ярополкова устрашал народ помрачением луны и солнца и последовавшими ужасными громами и вихрями, из чего предвозвещали многие от великих перемен несчастье. Вооружение Владимиро было яснейшим и достовернейшим того предвозвещением, ибо, наняв множество варягов и привлеки великими обещаниями, внезапно вооруженный меньший брат на мщение за среднего в Великий Новгород со многою силою возвратился; наместников Ярополковых выслал и велел ему сказать, чтобы против его на брань готовился, в которой почувствует достойную казнь за наглое братоубийство. Ибо Владимир в себе рассуждал: «Не я зло начал, мне должно за кровь невинную мстить и себе снискать безопасность».

Утвердясь на новгородском владении и уже в готовности итти войною на Ярополка, посылает Владимир к полотскому князю Рогвольду, чтоб ему отдал дочь свою Рогнеду в супружество. Сей союз праведно казался Владимиру быть полезен в обстоятельствах важного предприятия.

Испытав склонность дочери своей, Рогвольд услышал, что лучше желает быть за Ярополком, а о Владимире сказала, что не хочет разуть от рабы рожденного (признак древнего обязательства жен мужьям к повиновению, который обычай у россиян содержан был и на княжеских браках; ныне только в некоторых областях по деревням еще употребителен). Гордым сим ответом раздраженный Владимир подвигнул всю свою силу на Полотскую землю и скоро взял столичный город силою. Рогвольд с двумя сынами лишен жизни; высокомысленная Рогнеда неволею с Владимиром сочеталась и пошла к Киеву, но не за Ярополка, как с присланными от него боярами уже было изготовилась, но противу ему приблизилась с Владимиром и с полотским войском.

Ярополк за неимением довольного числа войска не дерзнул выйти против Владимира, но рассудил защищаться киевскими стенами. Владимир поставил стан меж Дорожичем и Капичем, где был ров и во время Несторова. У Ярополка тогда ближнею поверенностию пользовался некто Блуд именем и делом, который с Владимиром тайно пересылался о предании своего государя. По обещаниям от него богатства, чести и любви искал случая сам и другим поущал на тайное убиение Ярополково, но в том не успев, употребил коварно вымышленные советы. Притворив себя уstraшенным и прискорбным, объявил князю своему наедине: «Киевляне усердствуют к Владимиру и, отворив город, хотят тебя отдать ему руками. Уже и весть к нему послали, чтоб приступал к городу; ищи себе безопасного убежища». Легковерность, с худою совестью соединенная, дала место в сердце злокозненным словам Блудовым. Итак, Ярополк выбег из Киева на устье реки Рси в Родну и в крепости затворился.

Киевляне, уздав о его побеге, Владимиру ворота городские отворили, где, приняв

власть, осадил кругом Родну, пресек привоз съестных припасов и в такую тесноту и нужду привел Ярополка с осадными, что пословица от того произошла: беда как в Родне. В сей нужде советовал Блуд князю, чтобы с братом помирился и отдался на его произволение, уверяя, что не будет никакой опасности. И как Ярополк послушал его слова, Блуд послал весть ко Владимиру, что желание его исполнилось и Ярополк предается в его руки. Между тем некто из слуг, называемый Варяжко, советовал, чтобы князь бежал к печенегам и от них искал помощи и защищения, однако слова его не приняты.

При входе Ярополк между страхом и надеждою ко Владимиру в дверях принят под пазухи шпагами от двух варягов и мертв повержен. Блуд запер дверь и пресек вход слугам Ярополковым, с которыми Варяжко бежал к печенегам и, побудив князя их с великою силою, на Владимира воевал долгое время. И так братоубийством скончалось братоубийственное государство Ярополково, продолжавшееся около девяти лет без знатных дел.

Варяги вспомоществовавшие, приступив ко Владимиру гордо, требовали платы за одержанные победы: «Киев наш, – говорили, – мы его взяли; дай нам окуп по две гривны с человека». Владимир истребовал сроку на месяц. И как увидели варяги, что ждут напрасно и против их насильства устроен Владимиром отпор, просили, чтобы им был показан путь в Грецию для обогащения своего военным нападением. Выбрав из них добрых, смысленных и храбрых людей, роздал князь им города и волости; беспокойных отпустил по их прошению и уведомил наперед царей греческих, чтобы для безопасности, приняв их ласково, по разным местам расточили.

Глава 7

О княжении Владимирове прежде крещения

Самодержавного своего в России государствования Владимир полагает начало[29], мнимым благочестием по древнему предков многобожию, однако и заблуждением показывает в себе способность к приятию веры в единого истинного Бога. Его повелением поставлен в Киеве перед двором теремным, на высоком холме главный идол Перун, деревянный с серебряною головою и золотым усом. Жертва приносилась – огонь неугасимый. За угашение, небрежением случившееся, жрецы смертной казни предавались. Сей богом грома и молнии почитавшийся Перун был Зевес древних наших предков.

Меньших богов Нестор именует: Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла, Мокошь, не показав знаменования и приписыванной им от идолопоклонников силы и власти. По Перуне имел Волос первое место, коему покровительство скота приписывалось (рачение о ското-

пасстве большее, нежели у римлян, нижним божкам оное препоручившим); Погвизд, Похвист или Вихрь – бог ветра, дождя и вёдра, Еол российский; Лада (Венера), Дида и Лель (купидоны), любви и браков покровители, толь усердно от древних предков наших почитались, что оттуда и поныне в любовных простых песнях, особливо на брачных празднествах, упоминаются со многим повторительным восклицанием.

Купалу, богу плодов земных, соответствующему Цересе и Помоне, праздновали перед началом сенокоса и жатвы в двадцать четвертый день июня. Остатки сего идолопоклонства толь твердо вкоренились, что и поныне почти во всей России ночные игры, особливо скакание около огня, в великом употреблении; и святая Агрипина, которой тогда память празднуется, по древнему идолу проименована от простонародия Купальницею.

Отстоянием полугодичного времени почитался Коляда, праздничный бог, декабря в 24 число. Не иначе сие разуметь можно, как что, зимние дни в праздности без военного дела, без пашенной и скотопасной работы люди

препровождая, оставили Коляде сей праздник. Употребительные ныне между христианами около сего времени на празднество Рождества Христова игрища, в личинах и в отменном платье, едва ли не оттуду происходят, ибо по деревням и поныне Коляду в плясках и песнях возглашают. И хотя сие приводят в сомнение иностранные народы тем же с нами обычаем, не зная Коляды ниже по имени; однако Янусом нашим древним сей идол не без вероятности назван быть может ради разных лиц, харями развращенных.

Приносилась, сверх сего, жертва рекам и озерам по общему многобожному употреблению народов. Древние наши предки как текущие воды боготворили, явствует, что и поныне простонародные песни от многократного именованя Дунай начало свое принимают; в иных и на всяком повороте имя обоженной реки повторяется. От реки ж Бога (Буга) и Всевышнему Творцу имя даем даже доныне. Жертвы приносились весною по разлияннн вод купаньем, может быть, и нарочным утоплением людей, как в жертву. Остаток сего обычая видим у простонародия в облияннн

водою на Велик день, когда под именем наказания тех, которые утреннее пение проспали, в холодную воду бросают или обливают, что вере предосудительно, телу вредно, жизни опасно и между пьяными подает повод к смертоубийственным раздорам.

Всеми сими идолами наполнены были улицы и поля около Киева и во всей России распространились Владимировым суеверным повелением прежде просвещения. В Великий Новгород поставил наместником дядю своего Добрыню и послал с ним идолов. Перун, возвышенный над Волховом, принужденным сперва жителям вскоре после того великим божеством показался, о чем ниже.

Древнее многобожие в России, сходствующее с греческим и римским, подтверждается еще, сверх письменных известий, другими примечаниями. Что значат известные в сказках полканы, из человека и коня сложенные, как греческих центавров? Не гиганты ли во5 лоты? Не нимфы ли в кустах и при ручьях сельскою простотою мнимые русалки? Не соответствует ли царь морской Нептуну, чуды его тритонам? Чур – поставленному на меже

между пашнями Термину?

Коль великое и усердное служение идолам приносилось, засвидетельствует повествование о следующей человекоубийственной жертве[30]. Проезжающие варяги по Днепру для купечества в Грецию многие жительство основали в Киеве и принятый в Цареграде христианский закон содержали. По первых победах приносил мнимым своим богам благодарение Владимир даже до пролития перед ними человеческой крови. Для избрания на то молодого человека жрецы метали жеребей, который нарочно направили, чтобы пал на сына некоторого в Киеве жившего знатного варяга, христианство содержавшего. Дом его стоял, где после Владимир воздвиг каменную церковь Пресвятыя Богородицы Десятинную. Посланные объявили варягу сие как истинное богов изволение, чтобы отдал им на заклание сына. Обличая злочестие, христианин ответствовал, «что един есть истинный Бог, которого исповедуют греки, Творца всего мира. А боги ваши сделаны сами от рук человеческих, немые, глухи и слепы. И буде что-нибудь могут, то пусть хотя один из них сам

придет и сына моего возьмет». В великой ярости многобожный народ устремясь, разметал ограду; подсечением столпов дом опровержен, и варяг с сыном мученический конец и венец принял.

Сие в поганстве; но сколько могла умягчить Владимирово сердце христианская кротость, о том свидетельствуют его последние лета, когда и для достойной казни не хотел единого человека лишить жизни. Подобясь Августу, строгостию начал владение, совершил кротостию; как в начале весны сильная наводнением река с оторванными берегами вниз стремится, потом до окончания лета между плодоносными полями кротко протекает.

Юношескою бодростию расцветая, Владимир искал покорить отступившие от подданства отца его народы, пользовавшиеся его несчастливым скончанием и братоубийственным в России междоусобием. В предприятии опасался препятствия от ляхов, когда присвоили себе перед Россиею преимущество под владением Мечислава Первого, который у папы просил королевского достоинства

без успеху. Судьба определила оное наследнику его, Болеславу Храброму. Владимир вступил военною силою в польские пределы. Мечислав разным счастием защищался, однако принужден был уступить России Перемышль, Червень и другие города[31].

В безопасности от запада и от полунощи (ибо со шведами пребывал всегда в мире) воевал сей храбрый князь на юге вятичей, ятвягов и другие страны[32]; покорил себе иных мечом, иных собственным их произволением. Радимичи, побежденные на реке Песчане Владимировым военачальником, именуемым Волчьим Хвостом, данников число умножили [33]. Восточные соседы не чувствовали еще его храбрости. Того ради призывает дядю своего Добрыню с новгородскими войски и, с ним совокупясь, Волгою на насадах вниз к болгарам пускается. Торки конною силою по берегам вслед на вспоможение поспешают. Низовские и камские болгаре по малом сопротивлении покорились и платить дань обещали с таким утверждением вечного мира, «что он тогда перестанет, когда будет камень по воде плавать, а хмель на дно грязнуть».

И так Владимир распространил и утвердил свое владение на юг до реки Буга, в другую сторону от предел азийских до Балтийского моря. Ливония и Естония, хотя иногда бывали под норманскими владетельми, однако в государствовании Владимирово ему дань платили, что из многих обстоятельств, а особливо из странствования норвежского короля Олава, Тригвонова сына, в России, неспоримо явствует[34]; ибо по убиении Тригвоновом супруга его Астрида с сыном Олавом, еще младенцем, уклоняясь от злодеев по разным местам, предпріяла бегством спастись в России, у брата своего Сигурда, бывшего тогда в службе и знатности у великого князя Владимира.

Переезжая Варяжское море, впали в руки морских разбойников, обыкших в тогдашние веки на судах и по берегам грабить, убивать людей, не годных в рабство, а других делить по жеребью. Олав, доставшись Клеркону, естландскому жителю, разлучен был с матерью. Торольф, слуга его, ради старости и негодности в услужение, убит перед глазами. Сперва продан был Олав или променен на великого козла; потом другому господину, име-

нем Реасу, отдан за хороший кафтан и пояс, где шесть лет сей королевский наследник препроводил в добром содержании, но в рабстве. Некогда Сигурд, по повелению Владимирову, для собрания дани проезжая Естонию, увидел сего молодого человека и по благородному виду заключил, что не естландец, но иностранный. По вопросе о его отечестве услышал, что он сын Тригвонов и Астридин. Узнал Сигурд своего племянника, выпросил о причине его странства и, выкупив из рабства, в Россию с ним возвратился. Имя и род его скрывал до времени.

Некогда Олав, ходя по городу, увидел грабителя и злодея своего Клеркона и от внезапного по запальчивости возгорения тотчас ударил его топором в голову, прорубил до мозга и в бегство устремился к Сигурдову дому. Дядя, укрывая его в такой опасности, поспешно уклонился с ним в дом государев и просил великую княгиню Ольгу (супругу Владимирову, чехиню или болгарыню, неизвестно), чтоб его приняла в свое покровительство. Желаемое получил, и по предстательству ея у Владимира оружием отвращено народное смятение. В

России человекоубивцы на месте убиения без суда смерти предавались народною властью. Итак, вина прощена Олаву за денежный откуп. Законом утверждено было в России, чтобы никто от рода чужестранных государей не приезжал без воли великого князя. Однако Сигурд объявил о породе Олавовой, извиняя сокрытием от родительских и его злодеев. Причина не токмо Владимиру довольна к оправданию показалась, но сверх того бесчастное состояние возбудило жалость. Ольга, приняв Олава под свою опеку, воспитала, как пристойт королевскому сыну. Немалое время в знатных чинах и в некоторых походах служил Владимиру и с честью и награждением отпущен для получения отеческого наследства.

Препровождал Владимир во время неверия дни свои в пирах и веселиях, в любовной страсти и в роскошах даже до великого излишества[35], ибо, сверх своих законных жен, держал наложниц в Новгороде, в Вышгороде, на Берестове и в Белегороде больше тысячи. Но и тем не довольствуясь, насильствовал жен и девиц, отнимая у мужей и родителей.

Первою женою Владимировою полагают рос-

сийские писатели Рогнеду, княжну полотскую, о которой пред сим упомянуто; однако Вышеслав, рожденный от чешския княжны, при разделении сынам княжеств российских везде старшим братом почитается. Итак, двояко думать должно: первое, что Владимир прежде походу на Полотск и на брата Ярополка имел в супружестве чехиню, и наши летописатели, не зная об ней никакого достопамятного приключения, минули в молчании; второе, или Рогнеда долгое время была бездетна, и между тем Вышеслав рожден от чехини после взятия Рогнеды в супружество; но как известно, что Рогнеда родила Изяслава и других детей в первые лета своего супружества, а после Владимиром оставлена и жила на Лыбеде, где при Несторе было село, нарицаемое Предславино по имени дочери Владимировой, от Рогнеды рожденной, потому статья не может, чтобы Вышеслав родился от чехини после взятия Полотска, прежде Изяслава. Явствует сие неспоримо из предприятия Рогнедина мщения над Владимиром [36].

Когда он имел уже других жен, то некогда,

пришедши к Рогнеде, уснул. Она, помня свое
прежнее насильство и настоящее оскорбле-
ние, хотела сонного ножом зарезать. На тот
час случилось Владимиру пробудиться. Схва-
тил в смущении за руку и удар отвел. Рогнеда,
предупреждая обращение ножа в свое сердце,
в отчаянии и в слезах говорила: «Отец, мать и
братья мои от тебя лишились жизни; разоре-
но отечество; я пред всеми поругана; и ныне в
супружестве меня ненавидишь с бедным сим
младенцем» (указала на Изяслава). Удержав
рвение свое, Владимир велел ей убраться в
светлое брачное княжеское одеяние и сесть
на месте княжеском в светлой палате, чтобы
по достоинству своя чести приняла смерть
от руки своего супруга. Пришел к наряжен-
ной богатыми утварьми и внезапно увидел
по повелению Рогнедину со обнаженным ме-
чом стоящего общего с нею своего сына Изя-
слава, который жалостным плакал голосом,
подавая из рук своих меч Владимиру: «Когда
ты один жить, государь, хочешь, то умертви
прежде меня, дабы я не видел горького муче-
ния и крови своя матери». Не мог слез удер-
жать Владимир, кинул из рук меч и безответ-

ным вопросом: «Кто тебя здесь поставил?» – скончал гнев свой. Потом, с боярами советовав, велел возобновить отчину Рогнедину Полотск и ее на удел отпустил со старшим ее сыном Изяславом.

Итак, первая супруга Владимирова была из земли Чешской, мать Вышеславова; вторая, Рогнеда, в супружестве проименована Гориславою, от которой родился Изяслав, Мстислав, Ярослав, Всеволод и две дочери; третья, грекиня, приведенная пленница из Греции, где прежде была в некотором девичьем монастыре монахинею и ради великой красоты подарена от отца Ярополку. Владимир после приобщил ее к своему ложу. Рожденный от ней братоубивец Святополк, хотя числится между детьми Владимировыми, однако справедливым сомнением больше Ярополку приписан быть должен, что грекиня осталась от него уже беременна. И Святополкова свирепства причиною почесть можно требование первенства во владении, потому что он рожден от старшего Владимирова брата, или, сверх того, побуждало к сему мщение за прямого отца над подлинными детьми Владими-

ровыми. Четвертая жена, также чехиня, мать Святослава и другого Мстислава (по Стриковскому, Станислава). Пятая, болгарыня, от ней дети Борис и Глеб. Позвизд и Судислав рождены от наложниц. Шестая супруга, царица греческая Анна, о которой ниже сего пространнее. Дочь ея, от Владимира рожденная, Мария в супружестве с Казимиром, королем польским, родила Болеслава Второго проименованием Смелого[37].

Глава 8

О рассмотрении вер и о крещении Владимирове

Приметили во Владимире окрестные народы богопочитательный дух древнего законодателя римского Нумы. Для того друг перед другом старались преклонить сего великого государя каждый в свою веру, кроме ея размножения, еще для приобретения с великою Российской державою выгодного союза и крепкой дружбы. Первые сие начали болгаре низовские нарочным ко Владимиру посольством, советуя ему принять закон Магометов [38]. По выслушании учения их о многоженстве (главной своей страсти), уже и по смерти обещанном, чувствовал услаждение сердца, однако от обрезания возбудилось отвращение. Вина запрещение и свиных мяс для введения у россиян в обычай невозможным показалось. И храбрый самодержец не рассудил за благо, чтобы в многотрудных походах лишить своих воинов сердечного увеселения и запрещением свинины умалить число чело-

веческой пищи.

И так отпущенным болгарам без успеху вскоре следовали посланные от папы проповедать христианство западных церкви, которое тогда хотя соборным деянием не разделилось от греческого, однако великие несогласия и распри между держателями сих исповеданий многократно причиняли возмущения. Выслушав их учение, великий князь с таким к папе отослал ответом: «Никто из наших предков не следовал вашему учению, и нам то не прилично». Разумеются здесь прежде варяжские повелители, крестившиеся в Константинополе, а особливо блаженная Ольга, принявшая не папешскую, но греческую веру.

Жиды, в козарских областях жившие, около Черного моря, покушались равномерно привести Владимира к своей вере, предлагая: «Иисуса, в коего христиане веруют, отцы наши распяли; мы исповедуем и чтим единого Бога, Творца всего мира; обрезаемся и в субботу постимся по данному нам от Бога закону чрез угодника его Моисея». Гнусное пред Владимиром обрезание довольно было к бес-

полезному жидов отпуску. Но сверх того спросил: «Где отечество ваше?» Ответствовали: «В Иерусалиме». – «Там ли ваше жительство?» – ответа требовал, на что сказали прискорбным видом: «Бог, грехами праотцев наших раздраженный, рассеял и расточил нас по лицу вселенная, а землю нашу предал чужим народам». Владимир с негодованием отказал: «Когда вы отвержены от Бога и по чужим землям рассыпаны, то, конечно, закон ваш ему противен. Для того ли вы нас к тому привлещи желаете, чтобы и мы подобным вашему злоключением от него были наказаны?» И так со стыдом жида отосланы без всякого успеха.

Наконец от греческих царей избранный философ Константин предстал великому сему самодержцу, лжеучения и заблуждения прежде посланных от разных вер опроверг сильными доводами и по изволению и желанию Владимирова, исполнен красноречия и догматов святых веры, а паче дара божественных благодати, таковым или сему подобным образом предложил православный закон кратко:

«Верую несомненною, по откровениям

прозорливых святых мужей, многочисленными чудесами утвержденным, признаем и исповедуем единого Господа Бога Вседержителя, коего всеильным словом создано, украшено и утверждено великое строение всего мира. Им сияет солнце, луна и звезды, разливаются моря и реки, плодоносит земля, дышат ветры; ему дождь и ведро, облаки, роса, снега и мразы служат повеленным чиноположением, молния и гром возвещает гнев его земнородным. Всякое дыхание на земли, в воздухе и в пучине, от величайших китов даже до слабого пресмыкающихся рода, проповедуют Создателю неисповедимую премудрость и силу. В таком великолепном здании поселил Бог жителя, образ неизреченныя своея славы, человека. Но он преступлением заповеди устроенного себе наследия рая лишился. К исправлению падения ни посланный всемирный потоп на землю, ни огнем истребление Содома и Гомора, ниже чудное изведение своего Израиля сквозь Чермное море, ни благодеяния, ни казни не могли способствовать, ибо не токмо языки, не ведущие истинного бога, но ниже избранный тогда народ еврейский,

знамениями и чудесами уверенный, ходил по его повелениям. Для соделания спасения от погибели человеческого рода нужно было Божеское на землю нисхождение, о чем предвозвещали пророки, изгнание и убиение пострадав от жестоковыйного народа. Наконец воплощенный Сын Божий, Отцу и Духу единосущный, от чистыя Девы произошел в земли Еврейской. Многочисленными чудесами, гласом с небес Отеческим и Духа Святаго сошествием, воскрешением мертвых, наконец, по вольном страдании и смерти от гроба тридневным восстанием и на небеса вознесением не уверил в своем божестве непокоривого и неблагодарного народа и ради того просветил языки, не знающие истины, и себе присвоил, в коих благословенное[39]сообщество ныне и тебя, о благоразумный государь, призывает со врученными от него тебе народами, милосердуя о твоём искании истинного богослужения, воспященном окружающею тебя идольския прелести тьмою».

Владимир просил, дабы о восстании Христове от мертвых удовольствовал философ его любопытственное желание яснейшими и

сильнейшими уверениями, и притом упоминал, что вольное Христово страдание странно и невероятно без доказательства о воскресении.

Со гласом святых церкви Константин отвечал: «Хотя связан был Христос, но он наш Бог, и мы не стыдимся; бит и поруган, не отрицаемся; на кресте пригвожден, и того не таим. Воскресением его хвалимся, которое апостоли в мире проповедали, мученики засвидетельствовали кровию, пустынножители, мира уклоняясь, в откровениях видели, учителя церковные на вселенских соборах печатью догматов утвердили. Все совокупно, постом и бдением в молитвах, презрением имени, терпением всякого изнурения плоти, беспрестанным рачением к добродетели и парящим желанием к Богу отняли самое малейшее сомнение о праведном нашем исповедании. Довольно, великий государь, ведаешь, коль широко распростирается христианство и коль многие веки по вселенной от востока до запада господствует. Но кто распространил царство Иисусово? Сильные ли полки, не терпящие никакого противостояния? Избранные

ли военачальники смыслом, важностью, богатством, долговременным искусством и храбростью страшные по вселенной? Никак! Двенадцать человек, убогие, незнатные, простые, из деревень, из рыбацких хижин, ни гражданских, ни военных дел отнюдь не знающие люди, предпринимают торжествовать над царствами, разделяют между собою вселенную и, перешед пески, горы, стремнины и снега, воюют против бесчисленных народов, наги и безоружны увещевают нечестивых к благочестию, сребролюбивых к убожеству, сластолюбивых к воздержанию и, что еще больше, опровергают издревле почитаемых идолов пред лицом жрецов, дышащих ядом ненависти, водружают кресты и, пред ними умирая, торжествуют. Сию первую церкви наша победа возвышает пролитая потом мученическая кровь, вопиющая бесчисленными свидетельствами на небо. Устраются по всему свету человекоубийственные громады, приводятся с концов земных епископы, пресвитеры, почтенные сединою мужи, жены, девицы и непорочные младенцы, повергаются на всенародных позорищах многоразличным

терзаниям и челюстям зверей диких. Поощряют и напрягают взорами и голосом свирепые мучители бьющих к вящему варварству, едино сие имея в бесчеловечных мыслях, как бы истребить новонасажденный виноград церкви Христовы. Но зубы их и ногти, железные гребни, терзающие колеса, кипящие котлы со смолою и другие тиранские орудия ободряют больше воинство Христово к веселому и велегласному исповеданию и свидетельству его воскресения. Наконец победоносное христианство от порабощения на свободу, от гонения достигает в безопасность. Приходят из пустынь отшельники, нося вместо украшения всяких драгих камней страдальческие кости. Соединяются присутствием и мнениями с собравшимися от вселенныя великими учителями. Постыжены развратники, и общим согласием запечатлевается на соборах непорочная вера. Всеми сему свидетели, председатели и споспешники были премудрые и правосудные государи: Константин и Ирина, Константин Погонат, Юстиниан Великий, Маркиан, Феодосий Юный, Феодосий Великий и святой равноапостольный Великий Константин,

которому, государь, в российском роде тебя уподобить Божие благоволение поспешает, ожидая твоего к себе обращения. В том найдешь истинное себе очищение и просвещение. Тем избежнешь вечного на муки осуждения, которое неверующих постигнет. Придет нечаянно нелицемерный судия Иисус судить живых и мертвых, восставив их от гроба. Неверных и злодеев пожрет огненная река шумящий пламень, верным и добродетельным со Христом царство на небесах будет вечное жилище».

Показал, оканчивая речь, изображение Страшного суда Божия на завесе. Плачевный вид мучимых и пресветлое представление небесною красотою одеянных присовокупили учению философов вящую силу, и Владимир вздохнув сказал:

«Блажени стоящие одесную; горе отлученным ошую». Отпустив с честью Константина, положил в прилежном испытании вер обождать удобного времени к принятию христианства.

Итак, созвал к себе ближних и благоразумных советников и старых городских началь-

ников, которым объявил о бывших послах и свое мнение о их верах, предпочитая прочим исповедание греческое[40]. Бояре и советники сказали, что всяк свою веру обыкновенно другим предпочитает, хвалит свое заблуждение, поносит других истину. Заочно судить есть от правды бегать. Безопаснее всего испытать каждую на своем месте. Понравился совет Владимиру, по которому выбраны десять мужей благоразумных и посланы к болгарам волжским, потом в Рим, наконец в Царьград к грекам. Жидаы не почтены были сего достойными, по Всевышнего суду лишены царства и свободного богослужения.

Проходя многие земли и города и с великим тщанием и исполняя Владимирово повеление, посланные рассматривали разные веры. Наконец, когда в Киев как богатые купцы, с великим прибытком от довольной купли познания возвратились, при собрании знатнейших бояр, летами и благоразумием почтенных, спросил у них Владимир верного изъявления о каждой испытанной вере не слухом, но зрением.

Согласно ответствовали, что «у болгар ви-

дели служение весьма скучное и печальное: в пустой и ничем не украшенной мечети стоят без пояса; поклонясь садятся изумленным лицом и, как обуреваемые, оглядываются на стороны. Не приводит сердца в радостное умиление неистовая их вера и усердия к Богу не возбуждает. В Риме хотя устав службы уставнее, однако нет такого благочиния, благогласного пения и украшения церковного, как у греков. Когда мы достигли Царяграда и введены были во храм Софийский, созданный великим царем Юстинианом в славу Божией премудрости, великолепным украшением, золотыми утварями, драгоценным одеянием, благоуханием и сиянием возженных светильников, благочинным и усердным молением, громким и согласным пением восхищенные, чаяли, что нас некоторая Божественная сила поставила в пресветлых селениях небесных. Мы, великий государь, наслаждаясь такового сияния, не можем больше в здешней тьме остаться, но желаем и просим дать нам свободу принять в Греции гражданство и веру».

К окончанию их речи бояре присовокупили: «Если бы вера греческая не была толь пре-

славна, не приняла бы оныя бабка твоя премудрая Ольга». Владимир спросил: «Где же примем крещение?» – «Где тебе, государь, угодно», – все ответствовали единогласно.

Некоторые пишут[41], что послан был от Владимира в разные земли некто половчанин Иван Смира5 м, который, проехав разными землями в Палестину и даже до Египта, и по долгом пребывании в Александрии крестился. Оттуда писал ко Владимиру, послав Новый Завет и увещевая, чтобы он к грекам и к римлянам не преклонялся ради излишеств в их вере и что он в Александрии нашел чистые апостольские учения и предания. Чаятельно, хвалил он коптическую ересь, которая содержит обрезывание; чего ради не удостоены Владимирова внимания.

Уже его обращенное сердце жаждет, как елень на водные источники, святого крещения, однако, помня свое и предков в военном мужестве преимущество перед греками, желание свое намерился прикрыть важным предприятием, дабы греческие цари и греки не стали величаться ради российской уклонности в прошении крещения. Того ради, со-

брав великое войско, пошел в Херсонь, к главному городу Феодосии, и стал перед ним немного далее одного выстрела. Трудясь много времени в облежании осадных, требовал сдачи, однако без успеху[42]. Итак, чтобы взять город приступом, повелел засыпать ров землею. Греки извнутри, сделав под стеною подкоп, уносили землю в город и россияне привели в удивление, что толь долго рва наполнить не могут. Между тем некто из духовного чина, именем Анастасий, неведомо какою побужден причиною (может быть, чая Владимирова крещения), пустил со стены городской стрелу в российское войско, на которой было написано, что позади оног бьют подземные ключи, из коих потаенными трубами приведена вода в город: пресечением оных принуждены будут жители сдать ся или умереть от жажды. По сему показанию трубы найдены, засыпаны и вода отведена от города. Итак, принуждены были отдаться во власть российского самодержца. Великая радость услаждала его сердце при входе в Феодосию без многог кровопролития.

Покоренная христианская крепость каза-

лась предзнаменованием Божия благоволения к приятию Владимирову в правую веру.

По сем к царям греческим Василию и Константину посылает победитель, прося сестры их в супружество, которое залогом вечного мира быть обещает. В противном случае угрожает нашествием на Константинополь. Возвратившиеся из Греции от царей объявили, что супружество сестры их со Владимиром невозможно для крайнего различия веры, но может воспоследовать удобно, когда он ко Христу обратится и примет крещение. Великий Владимир, давно уже к принятию греческого закона приуготовленный, отвечает: «Учение вашего философа и моих послов испытание согласно свидетельствуют о преимуществе вашей веры перед всеми прочими. Того ради со всяким усердием и искренностию оную люблю, при сестре вашей принять желаю и жду ее и крещения». Цари призывают Анну, увещевают ко вступлению в брак со Владимиром. Она опасаясь отрицается. Братья к представлению наступающей в России великой чести сие присовокупляют: «Может быть, обратит Бог через тебя Российскую зем-

лю, и пребудешь от рода того благословенна вовеки. Отечество наше избавится от плачевных разорений. Знаешь, сколько Греция от россиян претерпела. И ныне подобная пагуба приближается, ежели не отвратишь послушанием». Рыдая в слезном токе, царица едва промолвила: «Что ж, когда не примет или приняв отвержет веру и меня к идолопоклонству понудит?» – «Пострадай, – цари сказали, – и багрянородною кровию перед варварами засвидетельствуй истину христианства во дни наши».

Уже склоняется женское сердце к непоколебимой твердости братними увещаниями. Отплывают с нею в кораблях определенные от царей и патриарха сановники и священники со всеми ко крещению и к браку приготовленными утварями. Достигают Херсонския пристани и города Феодосии.

В то время чудною некоторою судьбою впал Владимир в болезнь и лишился зрения. Потому размышлял, что боги предков его гневны и за отступление казнь наводят. В таком сомнении послал к невесте спросить причины сего злополучия и от ней получил

уверение, что сие есть искушение Божие о твердости его в вере и, ежели вскоре, не сомневаясь, окрестится, очистится во святой купели не токмо от слепоты очей телесных, но и умным зрением просвещен будет. Отложив двоемысленные колебания, Владимир вступает в купель очищения, крещается во имя Отца и Сына и Святого Духа Иаковом, епископом херсонским. Наричается именем царским Василей, освобождается от слепоты и поганства и, ясно прозрев, воздает горячее благодарение Создателю. Потом принял поучение и укрепление в вере от святителя и от всех радостное поздравление.

Глава 9

О княжении Владимирове после крещения его

По торжественном сочетании с царевною Анною и по празднственном пиrowании посылает Владимир в Царьград к шурьям своим радостного вестника с дарами и объявлением о своем крещении и браке, прося при том от них и от патриарха Киеву митрополита. Радость в Цареграде была неописанна о новом приобретении толь великого государя в общество Христово. На митрополию киевскую избран и послан в Корсунь Михаил, родом сирянин. По его приезде и по благословению воздвигнута церковь в Феодосии, на бугре, наношенном землею изо рва, который россияне приступая засыпать старались. Во время пребывания Владимирова в Херсоне приходили послы от царей Василия и Константиана из Царя-града с великим почтением и дарами. Папа, не упуская времени, равным посольством почтил новопросвещенного государя не без искания, чтобы всеять в нем рим-

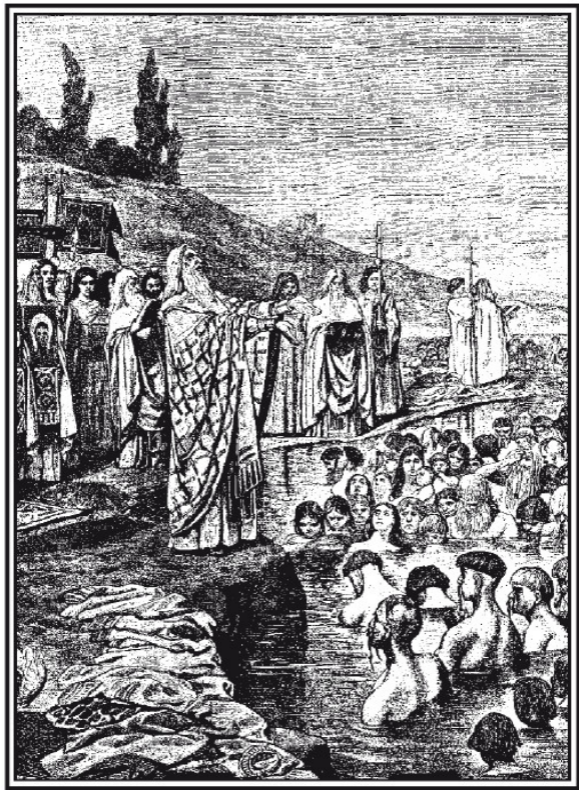
ского исповедания догматы. Печенежский князь Метиган, подражая Владимирову примеру, принял в Херсоне крещение.

По прошению новосочетанная супруги уступает Владимир Херсонь Греции обратно. Сам, взяв мощи святого Климента с другими многими святостями и церковными утварями, митрополита Михаила, протопопа Анастасия и других служителей церковных, в столичный Киев возвращается, Херсоня и кумиролужения победитель, сопряжен с царскою кровию и с верою Христовою. Тогда по всеобщему государскому повелению опровергнуты идолы от своих мест, прежде к их почтению определенных, обнажены от драгоценных украшений, раздроблены железом и преданы воде и пламени. Перуну, главной невегласов пагубе, большее всех, вместо большего прежде почтения, оказано поругание. Привязанного к хвосту конскому волокли на днепрский берег под жестоким битьем палками от двенадцати человек, бесчестными словами провождающих. Свергнутого в Днепр от берегов отбивали и до Запорожья пристать не дали. По извергнутому ниже порогов идолу

ближнюю гору Перуном называют. Маловременная почесть новых идолов была образ и пример возвышенных без достоинства, единоразнствие в том имеющих, что идолы ни ударов, ни поклонов не чувствуют. На холме, где Перун стоял, построена церковь Святого Василия в честь государского ангела.

По сем назначил Владимир день всему народу киевскому для приятия святого крещения, объявив, что ежели кто в установленное время не явится на реке Почайной, тот Господу Богу Иисусу Христу и ему будет противник. Собралось неисчислимое множество народа на указанный день и место. И сам великий самодержец со всем синклитом и освященным собором украсил присутствием великое сие действие и чудное позорище. При берегу на плотах стоят облаченные священники и диаконы, река наполнена обнаженными людьми всякого возраста и пола: иные в воде по колена, иные по пояс, другие по шею – моются, купаются, плавают. Между тем читают крещальные молитвы; каждый по особливом погружении получает в крещении имя и помазание миром.

По сем первопрестольный митрополит ки-

евский Михаил крестил всех сынов Владимировых саморучно. Имена, по крещении данные, троим только известны: Ярослав Георгием, Борис Романом, Глеб Давидом названы. Источник от крещения их Крещатиком проименован.

Хотя ж от Владимира объявлено было во всей России повеление, чтобы все его подданные крестились, противникам сказан гнев, однако немало целых областей осталось, которые крещения убегали, особливо подвластные Российской державе чудские народы, жившие около Мурома, Суздаля и Ростова. Михаил митрополит предприял путь к Великому Новгороду, но, не надеясь учением преодолеть упорства жителей, просил о вспоможении Добрыню, с которым низверг в Новгороде идолов и Перуна, подобно как в Киеве, велел с биением и поруганием грязью отволочь на берег и кинуть в Волхов.

Баснословят, что пловущий идол, выкинув на мост палку, вскричал: «Возьмите, новгородцы, и употребляйте для моего воспоминания». Откуда через долгое время обычай был, что и в христианские праздники вместо игры

и увеселения бились новгородские молодые люди не без вреда своего палками. Кажется, сия их легковёрность предзнаменовала, что за упрямство против самодержавной власти претерпят некогда палочные смертные удары. Пловущего вниз Перуна сельские люди, знавшие, что он недавно наречен был богом, от берегов пхая, говорили: «Уже ты не бог больше; довольно и так мы тебя кормили; поезжай назад в темную адскую пропасть».

Некоторое неудовольствие в народе, особливо ж у женского полу произошло, когда Владимир повелел учредить школы для научения малых детей грамоте, но матерние слезы и негодование благоразумными увещаниями, учительские излишние строгости добрыми установлениями прекратил рачительный первосвященник[43].

В добронамеренных трудах и желанных успехах сему государю нередко препятствовали набегами непостоянные печенеги. Итак, для безопасности от толь хищного народа указал строить города по Десне, Выстри, Трубешу, Суле и Стугне и населить их славянами новгородскими, кривичами, вятичами и чу-

дью, чем немало оградилась Россия от нашествия иноплеменников[44].

Для приведения в христианство земли Суздальская подвигся сам Владимир с митрополитом, обновил множество народа крещением, поставил на Клязме город[45]и, наложив ему свое имя, украсил паче всех городов российских и создал церковь Успения Богоматере. Любление княжеское сего места и повеление привело многочисленных жителей.

По преставлении Михаила митрополита присланный на его место от цареградского патриарха Леонтий поставил по городам российским епископов: Великому Новуграду и Пскову – Иоакима херсонянина, который идолов разрушил до основания, в Чернигов хиротонисовал Неофита, в Ростов – Феодора. Для проповеди христианства в болгарях послан был некто Марк Философ, но без желанного успеху: крестились только четыре князя, пришед в Киев. От особливого благоговения и усердия повелел Владимир воздвигнуть в Киеве каменную церковь во имя Пресвятыя Богородицы. Призванные из Греции мастера с великим тщанием дело совершили, на что

многое княжеское иждивение положено и определена со всего государства десятина, по чему церковь Десятинною именована.

Итак, широко распространилось и твердо вкоренилось в России христианское православие, что прежде сего троекратно начиналось. Первое, благовестием святого апостола Андрея Первозванного[46], когда, проходя Днепром и Волховом сквозь славенские пределы, проповедывал Евангелие Христово и, поставив крест на горах киевских, предсказывал на них благодати Божия воссияние, великого града и веры основание и сооружение церквей множества. Второе, когда по неблагополучном походе Осколдове и Дирове на Царьград требовали россы крещения и, уверясь негоревшим Евангелием, приняли закон христианский[47]. Крещение князей Святополка, Ростислава и Коцела не надлежит до россиян, но до славян дунайских, кроме того что переведенные в Моравии церковные книги употребляются в российской церкви обще со славенскими народами, содержащими греческое исповедание. Третье крещение было Ольгино, коим многие россияне просвети-

лись, взирая на ее обращение.

Владимир, ходив на болгар и хорватов и с победами возвращаясь, услышал, что, хотя пользоваться его отсутствием и не боясь утомленного войска, приблизились с великими силами печенеги и за Трубешем против него ополчились [48]. Немедленно храбрый государь вышел навстречу и на противном берегу стан поставил. Печенеги требовали на поединок борца от Владимирова войска, представляя своего исполина, дабы тем единоборством прекратить наступающее кровопролитие с обеих сторон и одолевший богатырь представил бы победоносную сторону, одоленный до исторжения духа – побежденную. Владимир, не ведая в полках своих чрезвычайного усилка, велел спрашивать чрез кличеев.

Некто ремесленный человек, ременщик, явившись сказал, что есть у него сын, коего никто не одаливал с ребячества, и что он осердясь дерет сырые воловые кожи. Призван перед государя, требовал для показания опыта, чтобы привели великого, сильного быка и раскаленным железом раздражили. Учинено;

бык в ярости стал бегать и землю рыть копытами и рогами. Ременщиков сын толь мочную скотину в самом стремлении ухватил за бок и кожу с мясом вырвал. «Можешь с печенежским богатырем бороться», – сказал Владимир и повелел к утру приготовиться ему и всему войску.

Приспевшу времени, выходят поединщики на сражение. Печенег, видя соперника ростом перед собою мала (он был посредствен), презирал и насмехался; и, вдруг напустившись на него, закричал страшным голосом. Молодой ременщик, схватив печенега, поднял, ударил о землю и дух из него вышиб; исчезла вдруг гроза и ярость. Печенежское войско, объятые робостию, обратилось в бегство. Россияне, по княжескому повелению вслед достигая, множество неприятелей на поле постлали. Ременщик с сыном почтены знатными чинами и другим жалованьем. На броду Трубеша-реки, где отнята у печенегов слава, заложен тогда Переяславль, вскоре построен и украшен церквами. Белагорода строение в те же времена зачалось и совершилось[49].

Бывшу некогда Владимиру в Василеве

немноголюдну, печенегии внезапай учинили на него нападение. В такой скорости принужден был обороняться малочисленными людьми, почему и не мог устоять против неприятеля. Бегством спасаясь, укрылся под городским мостом. Сие случилось на праздник Преображения Господня, коему в честь обещал в сей опасности церковь воздвигнуть и спасшись обещание исполнил[50], дню ж сему воздал великое почтение молебствами и угощениями.

Не дая отдохновения Владимиру, неутомные печенегии излучили время и употребили к своим поискам, когда сей трудолюбивый государь отлучился в Новгород. Приступили и окружили новосозданный Белгород, не дозволяя жителям из него выступу в намерении принудить к сдаче голодом. Жители для великой нужды ворота отворить хотели неприятелям, однако некто смышленный гражданин удержал их и беду отвратил смешным вымыслом. Уговорив отчаянных до трех дней не сдаваться, собрал сколько мог овсяной муки, отрубей, пшеницы и меду; в уготовленных кадях, врытых в землю как колодезях,

развел в одной кисельную цежу, в другой сыту, в кои тайно подведенными трубами мог дополнять, что черпали и варили жители. Призванным якобы для договору в город печенегам притворные подземные ключи показаны с их употреблением, кисель на пищу с сытою поставлен и в стан их для уверения князей и военачальников отпущен. Кочевой народ, хлебных пиццей мало знающий, подумав, что город снабден натуральною пищею и весьма необорим голодною нуждою, отступил и удалился.

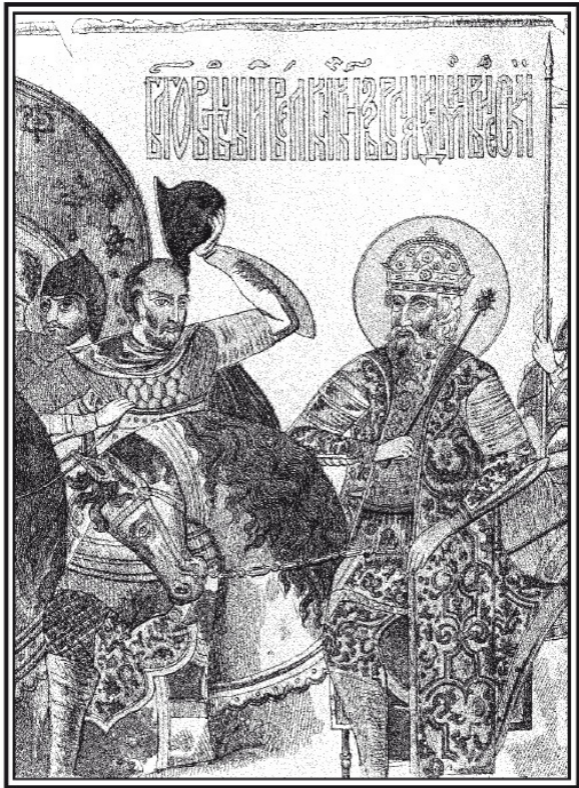
Владимир, оградив свою державу мужеством и просветив православием, начал размышлять, как бы утвердить мир в потомственное время между детьми своими, ведая, что несогласие в братиях много бед причинить может. Собственный пример, гибель Ярополкова и Ольгова предписывали осторожность от будущих несчастий. Того ради разделил или, справедливее сказать, отдал в уделы детям разные княжения на содержание по приличеству их породы, оставив себе и старшему потом наследнику киевское великое княжение и верховное повелительство

над всеми уделами.

Старший сын Вышеслав получил в участие Великий Новгород, прежнее Владимирово владение, которое еще при жизни его, по смерти Вышеслава досталось Ярославу. Изяслав отпущен, как выше показано, с матерью на дедовское княжение, в Полотск. Святополку дан Туров, Ярославу – Ростов, потом Новгород, а Ростов – Борису, Глебу – Муром, Святославу – Древлянская земля, Всеволоду – Владимир, Мстиславу – Тмутаракань, Станиславу – Смоленск, Судиславу – Псков, Погвизду – Волынь и Луцко.

Всем притом заповедал и повелел, чтобы жили в братской любви и тщание полагали в распространении веры Христовы.

Преклоняясь к старости, Владимир прилежал к церквам и к молитве неусыпно, воздая за заслуги с избытком награждение, помогая расточением своего имениа бедным и страждущим, строя и обогащая церкви и предложенными пред народом угощениями довольствуя подданных. Приобыкши к кротости, нередко прощал великие вины законопреступникам и свобождал от казни злодеев.

Ослаба произвела беспокойство и разорение

неповинным. Все пути заняты стали и пресечены разбойниками. Того ради собравшись, архиереи российские представили государю опасность, от такого послабления наступающую, увещевая, «что меч ему дан от Бога не токмо против неприятелей, но и на казнь законопреступных и что к злодеям милосердие есть к неповинным тиранство». Притом напомянули о прежнем содержании войска для безопасности подданных и церкви. Побудили сим мягкосердого при старости государя. Разбойники почувствовали справедливую казнь, и войско возобновил Владимир против прежнего по примеру и расположению отца своего и деда.

Узаконено было издревле, чтобы новгородцы платили в Киев дань повсягоднюю по две тысячи гривен[51]. Ярослав, презревая отца своего старость, не исправлял повеленного, удерживая у себя ему должное. Подвигнутый за то на гнев Владимир велел исправлять к Новуграду дороги и мосты, хотя итти войною на Ярослава, взять уреченное и мстить сыновнее к родителю презорство. К Ярославу собрались призванные из-за моря для сопро-

тивления варяги. Межусобная война восходила подобна грозной туче, однако по Божиему промыслу нашествием печенегов и преставлением Владимировым отвратилась.

Борис, любезнейший изо всех сынов, приключился в Киеве. Святополк пронырствуя всегда около Владимира обращался, дабы похитить престола киевского наследство. Владимир поручает готовое уже к походу войско Борису и против печенегов посылает.

В Борисово отсутствие христианскою кончиною к Богу преселился июля в 15 день[52], жив лет 73, государствовав в идолослужении 8, в христианстве 27. В союзе и в любви пребывал с соседними держателями, с Болеславом польским, Стефаном венгерским и с Генриком чешским. По супружеству с греческою царевною именовался царем. Пример оставил по себе потомкам отменныя храбрости, кроткого правосудия, щедролюбия к требующим и теплого усердия к истинному Богу. По ползновения буйной младости загладил чело-веколюбивыми делами умеренныя и кроткия старости[53]. По всем делам геройства от защищенного, расширенного и прославленного

своего народа справедливо приобрел проименование Великого, имя Святого от основанной, снабденной и украшенной российской церкви.

Глава 10

О княжении Святополкове

[54]

Для предускорения в получении наследства, скрывая Святополк смерть Владимирову от братьей, а паче от Бориса, повелевающего великим воинством, с Берестова, где Владимир скончался, отвез тело в Киев и тайно положил в мраморном гробе, в церкви Десятинной. Между тем послал в полки к Борису, скрыв кончину и ложно возвещая, «что отец разболелся и хочет его видеть, для того шел бы поспешно в Киев». Сим умыслил Бориса отлучить от войска. Между тем, уведав народ преставление великого самодержца, стекся несказанным множеством в церковь и горьким рыданием и слезами оказал свою скорбь для его отлучения от жизни.

Борису весть Святополка ложная, но купно и праведная из города встретила на Алте и в печаль великую преклонила. Военачальники, ободряя его, представляли, чтоб, имея в руках все отеческое войско, пошел против

Святополка, похитившего несправедливо престол киевского великого княжения. Но он ответствен, что совесть его не допускает поднять руку против старшего брата, которого он вместо отца почитать должен и от него отеческой любви чаает.

Видя Борисово мягкосердие и зная коварство и свирепство Святополково, военачальники со всем воинством отступили, поспешая прилепиться к Святополку. Борис остался только со своими верными слугами. Зверонравный Святополк, пришед ночью тайно к Вышгороду, просил тамошних бояр, чтобы за него стояли и Бориса бы живота лишили, которого он больше всех опасен. «Положим свои головы за тебя», – ответствовали Святополку подобные ему злодеи.

Приспели неукоснительно убийцы на Алту и, приближась к шатру Борисову, услышали, что поют утреню. Присмотрев себе приближающуюся пагубу, кроткий Борис по усердой молитве Богу лег на постель. Наскочили злодеи, как свирепые звери, ударили в него копьями и слугу его Георгия, родом утрина, пронзили. Для снятия золотой гривны, положенной на

него за верность от Бориса, отрубили голову и всех оставшихся с князем своим живота лишили. Обвитого шатром неповинного страдальца повезли к Вышгороду, но вскоре услышали стенание полумертвого. Для прикончания по Святополкову велению некто варяг мечом проколол самое сердце.

И так непорочный отрок скончал свое течение с похвальным и Христову подобным терпением, хотя по человеческому мнению, коему божеские судьбы неведомы, кажется лучше бы ему было данным от отца и от Бога воинством истребить богоотступного Святополка для сохранения жизни братьей своих Глеба и Святослава и предварить в отечестве извне последовавшее кровопролитие, ибо Святополк, видя кровь Борисову, на большее подвигся зверство: послал подобным образом в Муром ко Глебу, возвещая ложно о родительском повелении в болезни, как Борису. С малым числом слуг на конях Глеб к Киеву поспешает и как приблизился к Волге, во рву коню его спотыкнувшись, от падения повредил ногу. Итак, поплыл на судне к Смоленску. Минув оный, на Смядыне услы-

шал весть от Ярослава, что отец на другую жизнь преселился, Святополк похитил престол великого киевского княжения и оное начал братоубийством единоутробного ему Бориса.

Горьким рыданием со слезами восстенал Глеб о лишении отца и брата, жалуясь, что не прежде или не с ними купно жизнь его пресеклась. Внезапно посланные от Святополка убийцы насад Глебов удержали и слезы его смешали с неповинною кровию, пролитою от его ж повара, который, забыв Бога и милость своего государя, ударил прежде всех ножом в горло. Убиенного тело повергнуто было на берегу меж двумя колодами, потом отвезено в Вышгород и погребено подле Бориса.

Святослав на княжении в земли Древлянской, слышав о убиении Бориса и Глеба и не надеясь на свои силы, чтобы стать против насилия Святополкова, побежал в Венгрию, однако на пути от Святополковых кровожаждущих приспешников достиген и живота лишен, не доезжая гор венгерских.

Еще до вести о таком Святополковом тиранстве в Новгороде восстало великое смяте-

ние, ибо жители и посадники, опасаясь своего утеснения и приведения в совершенное подданство Ярославу чрез вспоможение варяжского войска, призванного для походу против Владимира, которое много насильства в городе учинило, нечаянно вооружились и, нападши на варягов, живших на дворе Парамонове, наголову порубили. Озлобленный тем Ярослав созвал лучших людей, варяжскому убийству предводителей, якобы для совета на двор свой, где ласканием привлеченные по данному от Ярослава знаку в вечеру побиты. В ту же ночь прибег вестник из Киева от Предславы, сестры Ярославли, сказывая, что отец отшел от сего света, Святополк, овладев Киевом, избивает братьей, и чтобы Ярослав от подобного злоключения остерегался.

В толь трудных обстоятельствах нужно ему было смиренным образом просить новгородцев. Коих призвав, «любезные мои други, – сказал, – забудьте вчерашнюю мою крутость; общая наша нужда требует согласного отпору против незаконного насильства. Отец мой умер (утирая слезы, речь перерывал стенианием), Святополк похитил владение и обаг-

рил кровию братьей наших Бориса, Глеба и Святослава и прочим готовит подобную пагубу». Без отрицания склонились новгородцы, предпочитая общую безопасность собственному счастью, и к тридцати тысячам варягов сорок своих присовокупили. С сими войсками поспешно пошел Ярослав на Святополка и воздохнув сказал: «Не я зачал избивать братьей. Суди, Господи, праведно и отмсти кровь неповинную». Святополк, уведав приближение Ярославле, собрал многочисленное войско российское и к ним призвал печенегов. Сошедшись в приближение, оба войска стали по обеим сторонам Днепра при Любече. Три месяца ожидая один от другого нападения, пришли в немалую скуку и унылость. Наконец, раздражил новгородцев воевода Святополков, который разъезжая к ним кричал: «Что вы, плотники, пришли сюда с хромым своим князем (Ярослав был слаб ногами), никак ищете плотничьей работы и хотите строить нам дома?» Раздраженные сим ругательством новгородцы приступили ко князю и приказу требовали на завтрае перевозиться чрез реку против неприятеля с тем, что еже-

ЛИ КТО С НИМИ НЕ ПОЙДЕТ, УБИТ ОТ СВОИХ БУДЕТ.

СВЯТОПОЛКЪ ОКАЯННЫЙ 1019.

Святополкъ терзаемый упрямиями советами и преследуемый тѣмъ же убѣжденыхъ братьевъ, скитается въ лѣсахъ Богемскихъ.

Рано поутру подвинул Ярослав войско и, перевозя за реку, велел суда от берегу отпихивать для отнятия всякия надежды к бегству. Между сразившимися войсками от великой сечи оружный треск слуху, течение крови зрению страх наводили. По обеим сторонам побоища великие озера воспятили печенегам вредить Ярославу набегами. Случилось время замороза, и тонкий лед нигде к переходу не был способен. Притесненные войска Святополковы принуждены отступить на лед, который не имел довольной крепости для удержания многочисленного народа, оружием отягощенного. Итак, видя своих изнеможение, Святополк в бегство обратился. Победитель Ярослав, преследуя бегущих, потопил в кровавой воде великое множество сопостатов и въехал без отпору в Киев. Братоубивцу осталось едино спасение бегством в Польшу.

Глава 11

О княжении Ярослава Первого[55]

Святополк, странствуя по Польше, побудил Болеслава Храброго против Ярослава. Случаем сего межусобия желая пользоваться, король польский наступил с южной стороны на российские пределы и области. Однако и Ярослав, не теряя времени, совокупил новгородское войско с варягами и встретил неприятелей на Волыне. Обои противные полки стали друг против друга на реке Буге. Меж обыкновенными в те времена в неприятелях взаимными перебранками Будый, дядька и воевода Ярославов, кричал через реку к Болеславу: «Скоро прободем твое толстое брюхо». Король был тяжек дебелостию и возрастом тела и потому к езде верхом мало способен, однако духом бодр и смыслен. Не стерпев закричал к своим: «Буде вам моя укоризна не досадна, один против неприятеля поеду и погибну; вы со стыдом останьтесь». С сими словами сел на коня и бродом за реку против Ярослава по-

ехал. Устремились за ним польские полки и на россиян, не успевших вооружиться, с яростью напали. Ярослав, побежденный, побег к Новуграду, а Болеслав, вступив в Киев со Святополком, расположил войско по другим городам для их содержания.

Из Новагорода хотел Ярослав уклониться к варягам, боясь неприятельского преследования. Однако новгородцы и посадник Снятин, сын Добрынин, чтоб его не отпустить, рассекли суда морские, объявляя, что они еще могут стоять против Болеслава и Святополка. Итак, собрав великое число казны с города, наняли снова сильное войско варяжское и поручили Ярославу.

Между тем Святополк, видя, что Киев и другие города заняты поляками и победа над Ярославом ему бесполезна, приказал тайно (вместо благодарности), чтобы киевляне поляков, нападши нечаянно, всех вдруг побиили, что скоро исполнилось делом. Болеслав побежал из Киева с остальными людьми своими в отечество, похитив множество имения бояр и сестр Ярославлих, и, отходя в Польшу, Червень за себя занял.

После сего Ярослав взял Киев, а Святополк убежал к печенегам и привел их в ужасном множестве на Ярослава; но он встретил сих варваров с полками своими на реке Алте, на месте, где убит Борис. Воздев на небо руки и со слезами, возопил к Богу: «Здесь видишь, правосудный Господи, землю, обогренную кровью непорочного отрока твоего Бориса. Беззаконный убийца, насытый братния крови, не престаёт искать истребления всего нашего роду; защити нас, отмсти кровь неповинных».

С восхождением солнца снялись обеих сторон войска в кровопролитное сражение. Через целый день сомнительная победа колебалась по напоенному кровавыми ручьями полю. И уже солнце, к захождению преклоняясь, оставило одоление Ярославу. Побужденный Святополк от расслабления и трясения членов не мог бежать на коне: для того с крайним поспешением несли его бегущие на носилках. Достигнув Берестова, говорил несущим: «Ускоряйте бегство, погоня за нами близко», чего однако не было. Итак, беспрестанно мечтая гонцов за собою, грозящих за злодеяние

лютым мщением, пробег всю Польшу и на пределах чешских извергнул скверную свою душу. Ярослав сел спокойно в Киеве на отеческом престоле, утерши пот лица своего по труде великом.

Но мало пользовался покоем, ибо Брячислав, князь полотский, сын Изяславов, Ярославов племянник, в отсутствие его в Киеве внезапно набежал на Великий Новгород, пограбил множество имения, в полон взял бояр и с тем пошел обратно. Однако Ярославом достиген из Киева в семь дней, на реке Судомире разбит, и новгородцы с имением возвращены восвояси. Брячиславу бегство было спасением от пленения, а Ярослав возвратился на отдохновение к Берестову.

Около сих времен Мстислав, господствуя в Тмутаракане, ходил на косогов[56].

Редедя, князь их, стал противу со своею силою и выслал ко Мстиславу вызывать его на единоборство с условием, что победителю взять, без большего кровопролития, имение, жену, детей и землю побежденного и чтоб поединку быть без военного оружия, борьбою. Согласились в том оба соперники, сошлись

между обоими войсками и к борьбе сцепились.

Долгое время сомнительно казалось одоление. Наконец Мстислав, чувствуя сил своих ослабление против Редеди, превосходящего возрастом и крепостию, в поте и в одышке возопил от сердца: «Поддай мне одоление, Божия Мати, храм в честь тебе воздвигну». С тем словом ударил о землю противоборца и нож вонзил в горло. Потом вскоре, с победою вступив в его землю, наложил дань и плененную жену побежденного с детьми привел в Тмутаракань с собою. Обещанная за одоление церковь заложена и вскоре построена.

Приобретенным богатством и косожеским народом в подданстве надменный, Мстислав распростер свои желанья ко владениям Ярославим, видя, что едва не вся Российская держава после гибели прочих братьей под его повелительством. Для того, не бывшу в Киеве Ярославу, но в Новгороде, внезапно приступил к первопрестольному городу[57], однако ради сильного отпору отступил и, заняв Чернигов, сел в нем на княжении. Обыкновенное из Новагорода к варягам прибежи-

ще снова служило Ярославу к замене нового родцев, которые хотя много сами собою, однако больше наемными людьми воевали и, вместо пролития своей крови, деньгами отсыпались. Якун, славный варяжский полководец, с великим войском пришел к Ярославу на помощь из-за моря.

Итак, совокупясь достигли в поле на Мстислава. Сей поставил наперед против варягов северян, а за ними стал сам с отборным войском. К ночи наступила грозная туча с сильным дождем, молниєю и громом. В таком ужасном движении воздуха повел передние полки Мстислав против войск Ярославлих. Варяги, бившись наперед с северянами, весьма утрудились, что приметив, Мстислав ударил на усталых с отборными. Сверкающим молниям отсвечивал блеск оружия, треск и крик, между громом и шумом сильного дождя мешаясь, умножал грозу тоя ночи. Смутное время, хитрость и храбрость Мстиславова понудила Ярослава и Якуна к бегству.

По восхождении солнца объезжая место побоища, победитель веселился, что его северяне лежат, каждый имея подле себя убитого

варяга, а отборные полки все в целости. По сей победе, довольствуясь преимуществом в храбрости, послал сказать Ярославу: «Ты мне брат старший.

Сядь в Киеве на отеческом великом княжении; мне одна сторона Днепра довольна будет». Невзирая на то, не доверялся Ярослав до совершенного замирения и пребывал в Новгороде; в Киеве сидели его наместники.

По конечном устройении с братом мира и по завоевании чуди и других несильных народов, при внутреннем прежде нестроении отделившихся, пользуясь домашним покоем, построил в Ливонии город, назвал Юрьевым в свое при крещении данное имя, что служило к легкому упражнению войска, дабы не впало в уныние. Любовь между обоими братьями умножилась согласным походом в Польшу [58] и победоносными знаками достигла совершенного союза, ибо по смерти Болеслава Храброго совокупно воевали Польшу и к России возвратили Червень с волостями, что отнял Болеслав, возвращаясь из Киева от Святополка. Наконец, нечаянною на охоте Мстиславлею смертью осталось одному Ярославу

всероссийское самодержавство.

ЯРОСЛАВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬ 1019-1054

*Ярославъ издаетъ письменные законы, подъя
названіемъ Русской правды.*

Для облегчения тягости обширных стран поручил он старшему сыну своему Владимиру в удел великое княжение Новгородское. В отсутствие его для сыновнего в Новгороде постановления, пришли под Киев печенеги в несказанном множестве, но скорым возвращением самого Ярослава и стройным распоряжением сильного воинства набег их Киеву безвреден, самим бесполезен учинился. На месте, где ныне собор Святыя Софии, поставил Ярослав в правом крыле киевлян, в левом новгородцев, варягов в середине. Печенеги чрез целый день нападали тщетно, к вечеру совершенно разбиты и, бегая от россиян по трудным местам, так уничтожены и рассеяны, что с того времени имя их с шумом погибло.

По сем Ярослав, имея попечение, чтобы воздать благодарение Богу за толь многие победы и за сохранение жизни от различных опасных случаев, заложил и построил великую церковь Святыя Софии[59] в ограде с позлащенными воротами и многие другие к службе Божией дома в знак христианского благоговения.

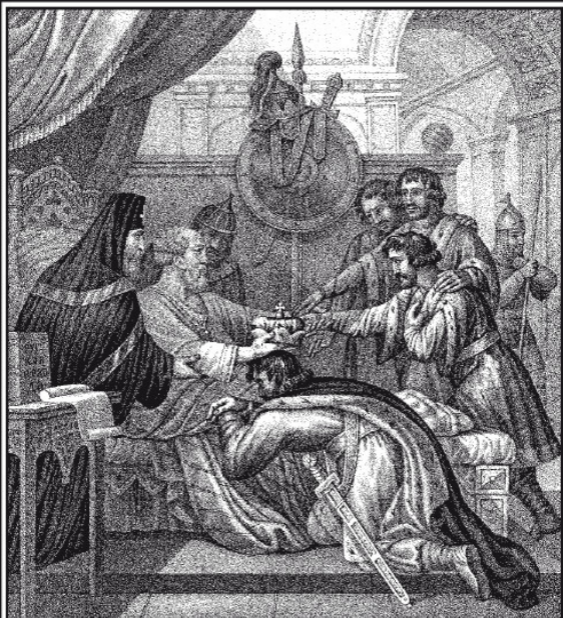
Объявляют российские писатели о выкопанных при Ярославе костях прежних князей Ярополка и Ольга и о их крещении. Великое, буде правда, о душах дядей своих показал сей государь попечение, даже до суеверия! По смерти нет и покаянию, не токмо крещению места.

Между тем Владимир, сын Ярославль, воевав, одержал победы над чудскими народами и просил позволения от отца итти на греков по следующей причине: в долговременную тишину и мир между Россиею и Грециею жили многие россияне в Цареграде для купечества; по случаю учинился на площади меж ними великий раздор, так что дошло до кровопролития, в котором убит знатный россиянин, посланный в Грецию от Владимира. Для мщения сего убийства пошел он с великим войском на греков[60]. И как уже от устьев дунайских пустился в мелких судах к Царюграду, восстала великая буря, немалое число ододеревов Владимировых разбила, иные выбросила на берег. Услышав сие несчастье, Константин Мономах, царь греческий, к оставшимся шести тысячам россиян послал

войско под предводительством Василия Теодорикана в четырнадцать судах, на которых огнедышащие трубы великий вред нанесли судам Владимировым, и для того по несчастливом сражении назад возвратился.

На берегу полонили греки Вышату и в выброшенных одnodеревках много россиян, из коих немалое число (политический народ!) глаз лишили. По трилетном в полону терпении и по заключении мира освобожден Вышата с прочими и в Россию отпущен. Сверх того, Всеволоду, сыну Ярославлю присовокуплена в супружество греческая царевна, дочь Мономаха, от которой родился Мономах российский, еще при жизни деда своего Ярослава[61].

Сие успокоение в южных пределах усугублено новым союзом с Польшею через брачное сочетание короля Кажимира с сестрою Ярославлею Мариєю, рожденною от Владимира и от последней его супруги, царевны греческой Анны. Прибыв в Польшу, принуждена была принять закон католицкий и назваться Доброгневою. По мнению некоторых писателей [62], первое имя отложено из почтения к Пре-

НАСТАВЛЕНІЕ ЯРОСЛАВА СЫНУ
ВЪЯМЪ 1054.

святой Богоматери, дабы никто с нею подобно

не назывался.

Знатные союзы, Ярославом утвержденные, купно с военными делами, соседям страшными, возвели Россию к великой знатности и славе. Генрик Первый, король французский, от супружества с Анною, княжною Ярославлею, родил три сына: Филиппа, Гугона и Роберта. Старший наследовал по отце королевство и произвел многое потомство. Со шведами от начала княжения Владимира Великого непрерывный мир и во все владение Ярославле содержался, к чему брачные союзы много спомоществовали. Супружеством Ярослав сопряжен был с королевною шведскою Ингигердою, дочерью Олавовою. Елисавета, княжна Ярославля, была за братом короля Олава Святого, за Гаралдом, который ходил в Царьград прежде своего владения в службу царей греческих и приобретенное там богатство сохранял в Новгороде у Ярослава.

По тридцатисемилетнем владении и по многих войнах лишился сей государь старшего и любезного сына Владимира новгородского, а по двух летах сам ему последовал[63], поучив сынов своих пред кончиною братолюб-

ному миру и поручив первенство и Киев Изяславу, дабы его прочие, как отца, слушали, Святославу – Чернигов, Всеволоду – Переяслав, Вячеславу – Смоленск. Жил 76 лет, велик миром и войною, но был бы еще больше, когда б новгородцам не оставил необузданной вольности.

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

**«Strelbytsky
Multimedia Publishing»**

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

**«Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»**

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»**

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www.audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!

Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

**Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2015
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»**

Примечания

862 года. Нестор.

[^^^]

Новгородский летописец.

[^^^]

Нестор, 866 год.

[^^^]

4

В подлиннике Лахернскую.

[^^^]

879 год.

[^^^]

898 год.

[^^^]

903 год.

[^^^]

907 год. Нестор.

[^^^]

911 и 920 г. Нестор. В подлиннике ошибка:
нужно 911 и 912.

[^^^]

913 год.

[^^^]

915 год.

[^^^]

931 год. *В подлиннике ошибка: нужно 941.*

[^^^]

В подлиннике яркой.

[^^^]

944 год.

[^^^]

945 год.

[^^^]

945 год.

[^^^]

945 год. Нестор.

[^^^]

947 год.

[^^^]

955 год.

[^^^]

Сборный Временник.

[^^^]

964 год.

[^^^]

965 год.

[^^^]

968 год.

[^^^]

970 год.

[^^^]

971 год.

[^^^]

Кедрин, стр. 415. Зонар, кн. 17, гл. 2, 3 и 4.

[^^^]

971 год.

[^^^]

973 год. Нестор.

[^^^]

981 год. Нестор. *В подлиннике ошибка: нужно 980.*

[^^^]

Нестор.

[^^^]

981 год. Нестор. Кромер, стр. 34.

[^^^]

982 год, 983 год.

[^^^]

984 год.

[^^^]

Стурлезон, часть 6, гл. 7.

[^^^]

Нестор и летописцы.

[^^^]

Нестор 1128 года.

[^^^]

Нестор, летописцы и степенные книги.

[^^^]

986 год.

[^^^]

В подлиннике благословение.

[^^^]

Нестор. 987 год.

[^^^]

Андрей Вышоваты.

[^^^]

988 год.

[^^^]

Летописцы.

[^^^]

Нестор, степенные, летописцы.

[^^^]

1092 год.

[^^^]

Нестор.

[^^^]

Зонар, кн. 6, гл. 10. *В подлиннике ошибка: нужно кн. 16.*

[^^^]

1099 год. *В подлиннике ошибка: нужно 992.*

[^^^]

1098 год. *В подлиннике ошибка: нужно 991.*

[^^^]

1099 год. *В подлиннике ошибка: нужно 996.*

[^^^]

1014 год.

[^^^]

1015 год.

[^^^]

В подлиннике страсти.

[^^^]

Нестор, летописцы и степенные, 1015 год.

[^^^]

1016 год. Нестор и другие.

[^^^]

1024 год. *В подлиннике ошибка: нужно 1022.*

[^^^]

1026 год. *В подлиннике ошибка: нужно 1024.*

[^^^]

1021 год. *В подлиннике ошибка: нужно 1031.*

[^^^]

1037 год.

[^^^]

1043 год. Нестор, Зонара, кн. 17, гл. 24.

[^^^]

Нестор.

[^^^]

Кромер, стр. 51.

[^^^]

1054 год.

[^^^]